

ДИНА ДАНИЧ

18+

**ЖЕСТОКИЙ
ЕГО ИГРУШКА**

Дина Данич

Жестокий. Его игрушка

«Автор»

2026

Данич Д.

Жестокий. Его игрушка / Д. Данич — «Автор», 2026

Парень предал меня и отдал опасным людям на аукцион, где я стала подарком для криминального авторитета. Он - жестокий, циничный хозяин города. А у меня - только один шанс спастись.- Раздевайся.Голос Алиева звенит холодом. Растерянно смотрю в его темные глаза. Вся комната наполняется давящей аурой, которая исходит от мужчины.- Я не- У меня мало времени, - небрежно бросает он, проходя к широкому угловому дивану. - Хочу оценить товар.Внутри разливается леденящая пустота, которая медленно, но верно уничтожает надежду на спасение.Крепче вцепляюсь в плащ, боясь, что Алиев может просто сдернуть его сам.- Я никогда не- Плевать, - безразлично отвечает мужчина. Демонстративно смотрит на свои часы. А я кошусь на пистолет, лежащий на диване. Могла бы я его схватить и выстрелить?- У тебя минута. Потом пойдешь к охране. Вряд ли они будут такими же терпеливыми.

© Данич Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 Надя	5
2 Надя	8
3 Надя	11
4 Надя	15
5 Надя	19
6 Надя	21
7 Надя	25
8 Надя	28
9 Надя	32
10 Ратмир	36
11 Надя	38
12 Ратмир	40
13 Надя	44
14 Надя	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дина Данич

Жестокий. Его игрушка

1 Надя

– Двести тысяч, раз! – голос ведущего бьет по ушам, заставляя все внутри сжиматься. – Двести тысяч, два!

– Триста! – раздается еще один голос из зала.

Мой взгляд невольно прикипает к тому, кто так лихо поднял ставку. Седовласый мужчина с сальным дерзким взглядом.

Больше всего мне хочется спрятаться, прикрыться, а лучше сбежать с помоста, на котором я стою практически голая перед этой толпой зажавшихся богачей.

Глазах слезятся – и дело не в ярком свете софитов, от которых ощутимо припекает. Внутри меня – ледяная стужа.

Потому что я – просто товар. Никто не бросится меня искать, не пойдет в полицию сообщить о том, что я пропала, что меня похитили.

– Пятьсот! – резко звучит справа.

Дергаюсь и тут же получаю предупреждающий взгляд от охранника, стоящего рядом – шкафообразного мужчины под два метра ростом. Второй такой же – стоит у двери, караулит.

Сглатываю горький ком в горле. И молюсь. Молюсь, чтобы выиграл максимально адекватный человек. Тот, кто поймет, что я здесь не по своей воле, что меня забрали без моего желания. И отпустит.

Переступаю ногами – туфли с высокими шпильками, которые меня заставили обуть, чтобы выгоднее показать товар, сильно жмут. Кажется, у меня немеют ступни.

Но всем плевать – на лица собравшихся богачей только азарт и жажда свежей крови.

Даже жаль, что свет в зале не приглушен настолько, чтобы я не могла разобрать их лиц.

Мне мерзко и гадко слушать, с каким азартом они бодаются ставками за живую красивую игрушку – именно так меня представил ведущий этого аукциона.

Участники оживленно переглядываются, а я стараюсь смотреть куда угодно – на стены, на потолок с вычурной лепниной и помпезной люстрой. Только бы не видеть этих плотоядных сальных взглядов.

– Миллион, раз! – озвучивает между тем ведущий. – Господа, кто-то хочет посоревноваться за эту невинную красотку, которая, я уверен, окажется очень горячей штучкой?

Меня тошнит, и я всерьез опасаясь, что вот-вот просто вывернет. Прямо тут, на подиуме. Что будет потом – боюсь подумать.

Когда пришла в себя в незнакомой комнате, начала требовать выпустить, стучать в дверь. Мне очень быстро и доходчиво объяснили, какая роль мне приготовлена, и что я должна делать.

Если хочу жить.

В тот момент я струсилa. Стыдно признаться, да, но я струсилa. Сейчас же... Не знаю, я не смогу вынести, если окажусь в лапах одного из этих извращенцев.

Ведущий расписывает мои достоинства, явно приукрашая и специально взвинчивая ставки. Участники поддаются, и цена повышается еще на двести тысяч.

В этот момент дверь в зал открывается. Ведущий замолкает на полуслове, и мой взгляд тоже прикипает к мужчине, который заходит так, словно он здесь хозяин.

В голове мелькает мысль, что это еще один желающий поиграть в живых людей.

Однако он притормаживает у последнего ряда – его взгляд лениво скользит по залу и на несколько долгих секунд тормозит на мне, а затем движется дальше.

Я не могу поверить, что хоть кто-то здесь равнодушен и не смотрит на меня, как на свежее мясо.

Горло перехватывает спазмом, а в груди рождается робкая надежда, что может быть этот человек мне поможет?

Он в темной рубашке и брюках. С небрежно зачесанными темными волосами, а прядь челки свисает на лоб, делая его образ как будто еще более острым и пронзительным.

Высокий, широкоплечий и опасный.

С его появлением в зале меняется атмосфера. Неуловимо, но неизбежно.

Ведущий откашливается и продолжает расписывать мою красоту и то, что можно со мной делать.

А я не могу оторвать взгляда от мужчины, который зашел сюда как босс, проходивший мимо. Он наклоняется к одному из гостей, что-то ему говорит. Замечаю, как двое охранников, стоящих у дальней стены тут же подходят.

Но потом...

Незнакомец бросает на меня еще один взгляд. Абсолютно нечитаемый и равнодушный.

А затем уходит. Вместе с тем участником аукциона, который был в зале.

Мне кажется, я даже делаю шаг за ними, но тут же чувствую, как ведущий оказывается ближе. Жмурюсь, понимая его молчаливый посыл. Да и охранник справа тоже подходит ближе.

– Итак, господа, кто еще хочет побороться за этот прекрасный цветок? Нет желающих? Тогда...

– Пять миллионов! – раздается голос того самого седовласого старика.

В зале повисает гробовая тишина.

– Пять миллионов, раз!

Ведущий берет театральную паузу.

– Пять миллионов, два!

В зале по-прежнему стоит звенящая тишина, а меня мутит. Я, даже просто слыша такую огромную сумму, не могу представить, что эти люди готовы платить такие деньги ради того, чтобы поиграть.

– Пять миллионов, три! Продано!

Довольный голос ведущего бьет по ушам особенно сильно.

– Поздравляю с приобретением. Товар доставят в лучшем виде. Наш человек подойдет, чтобы уладить формальности с оплатой.

Охранник довольно жестко хватает меня за предплечье и тянет в сторону за портьеру. Туда же, откуда меня привели.

Ноги не слушаются, и я спотыкаюсь. Амбал хватает меня и резко встряхивает. Так, что у меня зубы стучат.

– А ну хорош дурить! – рявкает он. – Пошла, давай.

Как я дохожу до комнаты, куда меня практически впахивают – не знаю. Первое, что делаю, когда за мной хлопает дверь – стаскиваю туфли. Хочется прикрыться – откровенное белье и прозрачная сорочка, не одежда, а просто насмешка.

Но здесь нет ничего, что можно было бы использовать для этого – лишь небольшой диван да столик, на котором стоит бутылка шампанского.

Не знаю, сколько времени проходит, пока я сижу и жду, что будет дальше. Когда ко мне заходит тот самый седовласый мужчина, который сделал жуткую ставку в пять миллионов, я готова уже на все.

Он замирает на пороге, окидывая меня оценивающим гаденьким взглядом, а затем довольно ухмыляется.

Подходит ближе, а я отступаю. До самой стены.

– Неплохо, – произносит он скрипучим голосом.

Я понимаю, что он заплатил деньги не для того, чтобы просто смотреть. И эта мысль доводит меня до отчаяния.

– Зачем я вам? – хрипло спрашиваю. – Я не давала согласия! Меня похитили!

Судя по тому, как старик на меня смотрит, ему плевать.

– Подарю тебя боссу, – мерзко ухмыляется он. – Он любит игрушки. Будешь у него новенькой.

2 Надя

– Вы сошли с ума, – срывается у меня с губ.

Старик лишь шире ухмыляется – словно его и не задевают мои слова.

– Это противозаконно! Я не вещь!

И снова – никакой реакции по сути.

– Все сказала? – скучающим тоном интересуется седовласый.

– Я требую меня отпустить, – как можно увереннее произношу.

– Готова заплатить пять миллионов?

– Я? За что? Я не давала согласия на участие! – возмущаюсь на его слова.

– Да плевать. Теперь ты в системе, девочка. И у тебя два варианта. Первый – ты слушаешься и ведешь себя хорошо. Тогда и проблем не будет.

Он замолкает, многозначительно глядя на меня.

– А второй?

– У тебя ведь есть кто-то из родных? Бабка вроде? – внутри все противно сжимается от страха за бабушку. – Ну вот, – удовлетворенно кивает он. – Во-первых, она заплатит за твое непослушание. А во-вторых... Даже если ты Алиеву пожалуешься, и он вдруг отпустит тебя, отработать пять лямов все равно придется. Но тогда уже мужиков будет много. Целая очередь.

– Так же нельзя, – пораженно смотрю на старика. – Это... Это же...

– Мда, словарный запас так себе, – цыкает он. – Впрочем рот тебе нужен будет не для разговоров. Так что, будешь послушной или стать шлюхой в борделе вариант более интересный для тебя?

Самое страшное, что я в этот момент не сомневаюсь – этот старик и правда сделает все, что обещает. Можно ли как-то договориться с тем самым Алиевым? Может быть сбежать или...

– Сбежишь, долг сам себя не погасит, – добавляет седовласый, будто прочитав мои мысли.

– Но я не соглашалась на все это! – всхлипываю, пытаюсь понять, как вообще дошло до такого. – Это какая-то ошибка! Меня приняли не за ту!

Старик мерзко ухмыляется.

– Нет никакой ошибки. Вадим продал тебя, целку. А ты, дура, уши развесила и поверила ему. Так что теперь будешь платить за отсутствие мозга.

В его голосе – равнодушие и холод. Ему реально плевать на то, что, по сути, они ломают мою жизнь.

Все мои планы – учеба в медучилище, надежда найти хорошую работу и перевезти бабушку в город – все это превращается в дым.

– Так что, сама пойдешь или как?

И еще один оценивающий взгляд с головы до ног. Меня мутит все сильнее. Мне казалось, что после предубеждения в незнакомом месте, да еще и этого унижительного подиума хуже быть не может.

– Вы обязательно за свои дела получите бумеранг от судьбы, – цежу, принимая самое трудное решение.

К сожалению, спасения в предложенном выборе нет. Но если выбирать между одним и многими, то лучше один.

– Ах, если бы это так работало, – ухмыляется старик. – Твое дело маленькое – вовремя раздвигать ноги. Алиев не садист, так что ты еще потом спасибо мне скажешь.

Ком в горле становится плотнее, и я чувствую, что меня вот-вот все же вывернет. Но времени прийти в себя мне не дают – старик открывает дверь, и тут же заходит один из охранников.

– Машина ждет у выхода, – басит тот.

– Хорошо. Девушка не будет скандалить, – заявляет седовласый и косится на меня. – Так ведь?

Мне приходится кивнуть. Сжав ладони в кулаки, я запоминаю этот момент. Сейчас я бессильна что-либо изменить, но потом – обязательно.

– И принеси ей плащ, – добавляет старик. – Сам знаешь, чей она подарок. Не стоит светить другим такой красотой.

Последняя фраза сказана с едкой усмешкой. Охранник выходит, чтобы вернуться буквально через пару минут с темным плащом длиной в пол. Он бесцеремонно подходит и накидывает мне на плечи.

Я буквально задыхаюсь от страха, и плотная ткань нисколько не помогает. Мне кажется, что я до сих пор практически обнажена – ведь каждый из тех, кто был в зале, видел меня в таком отвратительно откровенном виде.

– На выход, – командует старик.

Приходится обуться. От туфель на высоком каблуке ноют ноги, но я вынуждена терпеть. Длинный коридор заканчивается небольшим холлом.

Охранник выходит вперед и набирает код на электронном замке, лишь после этого мы все трое выходим на улицу.

Огромный темный внедорожник стоит буквально в десяти метрах. Охранник грубовато подталкивает меня в спину.

– Полегче, – ворчит седовласый. – Попортишь товар – будешь платить.

Когда тот открывает дверь, амбал одаривает меня мрачным презрительным взглядом. Словно я – грязь под его ногами.

Забравшись в салон, сажусь подальше к окну – потому что рядом устраивается старик. За рулем сидит еще один крупный мужчина. И буквально сразу машина трогается с места.

Я хоть и отучилась первый курс и часть второго, город знаю плохо. И сейчас слабо представляю, куда мы направляемся. Кажется, за черту города. Дорога проходит в нервном напряжении. Для меня, конечно же. Седовласый напротив – расслаблен. Даже шутит со своим водителем. А меня каждый раз передергивает от звука его голоса.

Я всё думаю – как же так вышло, что я не рассмотрела в Вадиме подлого человека?

Поверила, что он и правда ухаживал за мной, потому что я понравилась. Он ведь произвел впечатление спокойного и галантного мужчины. И когда я отказалась идти на свидание первые раз пять, сказал, что ищет только серьезные отношения. И уж точно не планирует тащить меня в постель на первом же свидании.

И я поверила. Повелась на его правильные красивые слова о том, что все должно быть после свадьбы. Я думала, он уважал мое мнение. Оказывается, у него был совсем другой план.

Забор, у которого мы останавливаемся, выглядит слишком высоким и каким-то чересчур основательным. Словно хозяин решил укрепиться и оборонять от всего мира.

– Помни о втором варианте, – скупно бросает седовласый, прежде чем выйти из машины, когда мы оказываемся уже за воротами.

За окном вечер, и сумерки уже сгустились. Хлопает дверь, и почти сразу водитель открывает ее уже с моей стороны. Молчаливый приказ выходить можно даже не озвучивать.

Ноги ужасно болят от туфель. Еще и каблук попадает между плитками, отчего я едва не заваливаюсь.

Охаю, от того как лодыжку сводит болью.

– Шустрее, – раздается голос старика.

Ни он, ни его подчиненный не торопятся мне помочь. Но это даже хорошо – вряд ли я смогла бы выдержать прикосновения хоть одного из них.

К нам подходит высокий коротко стриженный мужчина в темной форме.

– Привет, Олег, – тут же заговаривает с ним старик. – Вот, подарок для Ратмира привез. Тот бросает на меня оценивающий взгляд. В нем нет какого-то мужского интереса – напротив, как будто безэмоциональная оценка нового объекта на территории.

– Босс не предупреждал, – сухо отвечает он.

– Потому что это сюрприз, – разводит руками седовласый. – Ну хочешь, проводи ее в гостевой домик. Пусть там его подождет.

Несколько секунд тот раздумывает, а затем кивает.

– Я передам, что от вас.

Теперь старик смотрит на меня. Выразительно так, словно одним взглядом напоминает о своих угрозах.

Приходится подчиниться и пойти вслед за Олегом. Буквально через тридцать метров вижу дом поменьше того, что заметила первым. Мужчина не оборачивается даже ко мне – просто открывает дверь и заходит. Я следую за ним. Не успеваю даже осмотреться по сторонам, как слышу:

– Жди здесь. Босс приедет, решит, что с тобой делать.

Он уходит, а я вздрагиваю от того, как щелкает замок на двери.

То есть меня еще и заперли.

Сбрасываю надоевшие туфли. Босиком прохожу вглубь дома. Я едва успеваю обойти его и посмотреть, что видно из окна, как входная дверь хлопает. Может, стоило бы выглянуть и узнать, кто пришел. Но я словно прирастаю к полу. Так и стою посреди небольшой гостиной, все еще закутанная в плащ.

Секунды тянутся мучительно медленно. Слышатся тяжелые шаги. Кажется, что каждый звук – это еще один приговор мне.

Нервное напряжение внутри доходит до пика. Я готова сорваться, но в то же время тело будто парализовано. Страх когтистой рукой сдавливает горло. А в голове так и звучат слова того старика.

А затем в дверях появляется он.

Ратмир Алиев.

Мужчина, которому меня вот так бесчеловечно отдали.

И это его я надеялась попросить о помощи сегодня на аукционе.

3 Надя

Несколько долгих мгновений мы смотрим друг на друга. У меня внутри крепнет надежда на спасение – я же видела, что в отличие от остальных участников аукциона, Алиев не выглядел заинтересованным.

Так может он поймет, если я все объясню?

Ратмир, судя по выражению лица, не удивлен мне. Видимо, его предупредили, что один из подчиненных привез подарок. Сейчас он в черной кожаной куртке, под которой видна темная рубашка. И те же черные брюки. Слово он – мафиози из фильма.

Взгляд мужчины по-прежнему отстраненный и как будто незаинтересованный. И это сильнее убеждает меня – нужно просто рассказать ему правду.

Однако всего одно слово выбивает у меня почву из-под ног.

– Раздевайся.

Его голос звенит холодом. Растерянно смотрю в его темные глаза. Между нами пара метров, но мне кажется, что вся комната наполняется той давящей аурой, которая исходит от мужчины.

– Я не...

– У меня мало времени, – небрежно бросает он, проходя к широкому угловому дивану. – Хочу оценить товар.

Меня будто по щекам отхлестали. Внутри разливается леденящая пустота, которая медленно, но верно уничтожает малейшие ростки надежды на спасение.

Крепче вцепляюсь в плащ, боясь, что Алиев может сдернуть его сам. Правда, Ратмир явно не торопится напрягаться – устраивается на диване поудобнее, достает пистолет и демонстративно кладет рядом с собой. А затем широко расставляет ноги с явным намеком. И смотрит.

Я в шоке. Все слова старика, которыми он меня запугал, обретают плоть. Вот он – мужчина, который держит мою жизнь в своих руках. В его глазах ни намек на снисхождение или человечность. Только холод и равнодушие.

– Я никогда не... – не могу озвучить фразу до конца. Потому что страшно. Потому что стыдно.

– Плевать, – безразлично отвечает мужчина. Демонстративно смотрит на свои часы. Строгие, по-мужски сдержанные, но очевидно дорогие. Кошусь на пистолет, лежащий на диване.

Могла бы я его схватить и... выстрелить?

– У тебя минута. Потом пойдешь к охране. Вряд ли они будут такими терпеливыми.

Тошнота снова подкатывает, а в висках противно пульсирует. Делаю шаг. Затем еще один.

– Я сказал – разденься.

Его слова прилетают в меня хлесткой пощечиной. Замираю и... Зажмурившись, скидываю с себя плащ. Едва разбираю шелест ткани, осевшей у моих ног.

Знаю, как выгляжу сейчас. Одежда, в которую меня обрядили, ничего не скрывает.

– Глаза открой, – слышу еще один приказ.

Мне стоит огромных усилий выполнить и это.

У Алиева абсолютно равнодушный взгляд. Разве что карий цвет в его глазах стал чуть темнее.

С трудом сглатываю вязкую слюну. Я задыхаюсь от того страха, что гуляет в моей крови. Стоя перед хищником фактически голая, я не имею ни малейшего понятия, как спастись.

Не могу пошевелиться – только рвано дышать.

– На колени, – озвучивает Ратмир очередное требование. – И пошустрее.

Последнее уточнение срабатывает как удар. Меня будто подсекают – ноги слабеют, и я практически валюсь на ковер. От разбитых коленей спасает густой мягкий ворс ковра.

Я все еще надеюсь на снисхождение. Осторожно поднимаю взгляд. Смотрю в лицо мужчине, ища то, что мне поможет и спасет.

Черты его лица – суровые, словно выточенные из камня. Широкие темные брови. Практически черные глаза. Массивная челюсть и чуть изогнутые губы.

В Ратмире есть что-то восточное, словно он из семьи, где было смешение кровей.

Это придает ему неуловимый колорит, хищность, которой я раньше не встречала.

Да и где? Я училась с утра до вечера, брала подработки в больнице, чтобы выживать.

Алиев – опасный, породистый хищник, рядом с которым ты невольно испытываешь желание склонить голову и спрятаться подальше. Теперь я понимаю, почему когда он вошел в зал аукциона, атмосфера изменилась. Не знаю, кто он, но не сомневаюсь, что обладает большой властью.

– Ждешь новых инструкций? Приступай, – кивает он, давая понять, чего именно ждет от меня.

Между нами едва ли метра полтора. И чтобы оказаться достаточно близко, мне приходится подползти ближе.

Унизительно и гадко. Я интуитивно прикрываюсь руками, как только взгляд мужчины соскальзывает ниже моего лица. Понимаю, что ни сорочка, ни белье не покрывают мое тело. Наоборот, подчеркивают и привлекают внимание.

– Руки убрала.

Я не слушаюсь. Даже наоборот – крепче обхватываю себя руками. Но стоит только Алиеву чуть податься вперед, как тело будто живет своей жизнью.

Подчиняюсь и переступаю коленями, оказываясь между ногами Ратмира.

– Продолжай, – приказывает он.

У меня дрожат руки, но я все же тянусь к ремню на его брюках. И это становится моей ошибкой. Я слишком сосредоточена на собственных эмоциях, поэтому не успеваю среагировать. Понимаю, что произошло, только когда Алиев резко хватает меня за волосы на затылке, а к виску приставляет пистолет.

– Сколько тебе заплатил Борисов?

– К-кто?

Мой голос звучит сипло, едва слышно. Но судя по всему, Алиев разбирает вопрос.

– Сколько?

Он чуть сильнее вдавливая пистолет мне в голову, отчего у меня будто ледяная корка на теле формируется. А внутри – словно кровь замирает. Просто раз, и сердце останавливается.

– М-мне сказали, что я буду ваша, – шепчу, хотя это забирает практически все мои силы.

Я совершенно не понимаю, о чем речь. Не знаю, кто такой Борисов и почему он должен мне платить.

Я просто хочу остаться жива. Оказывается, это очень страшно – когда у тебя к виску представлено оружие, и от смерти тебя отделяет всего мгновение. Щелчок, после которого тебя не станет.

Понимание такого простого факта становится жестоким открытием.

– Кто? – требовательно спрашивает Ратмир, продолжая давить взглядом.

– Тот старик, – сбивчиво объясняю. – Он заплатил пять миллионов и сказал, что...

– Сказал что?

– Что я стану подарком.

Мне не удается скрыть горечь, которая пусть и уступает сейчас место страху, но по-прежнему плещется внутри.

Секунды сменяют друг друга, растягиваясь в бесконечность. Мне кажется, что еще немного, и я просто умру. Даже вот так – без выстрела. Только от того, как жестко и давяще смотрит на меня Алиев. Наверное, именно инстинкт выживания толкает меня на безумно смелый поступок. Иначе я не могу объяснить, как решаюсь снова заговорить.

– Мне сказали, что вы не садист.

Именно после этих слов что-то во взгляде мужчины неумовимо меняется. Будто лед в его глаз отступает, сдавая позиции обычному безразличию.

– Не садист, – очень медленно произносит он, скользя пистолетом ниже и задевая им скулу. А затем и подбородок. Вынуждает поднять голову. – Но крыс терпеть не могу.

Несколько долгих мгновений он вглядывается в мое лицо, словно ища ответ на вопрос. А может, ожидая какой-то реакции. Я же в это время почти не дышу. От этого кружится голова. Моргаю, чтобы не потерять сознания – ведь тогда я окончательно утрачу те крохи контроля, что пока еще у меня есть.

– Я не крыса, – наконец, выдавливаю с трудом.

Ратмир, наконец, убирает пистолет в сторону и откидывается на спинку дивана.

– Время покажет.

Мне кажется, это маленькая победа. Он отступил, не сделал ничего такого и...

– Займи рот делом.

...и тут же понимаю, как сильно ошиблась.

Мне приходится подчиниться. Пистолет рядом – отличный стимул, который ясно дает понять, что Алиев ждать не станет.

С такими людьми не шутят.

Учитывая, что сексуального опыта у меня ноль, всё происходящее кажется дурным сном.

И то, как я долго расправляюсь с пряжкой ремня, только усиливает мою нервозность. Ратмир терпеливо ждет, а когда я наконец вижу крепкий, налитый член, я вдруг отчетливо понимаю – пути назад нет.

Если я хочу выжить, мне придется идти до конца.

В теории понятно, что делать, но вот практика выходит криво-косо. Я не думаю о том, противно или нет – в голове мысль, что нужно просто перетерпеть.

Вспоминаю, как буквально полгода назад мне пришлось срочно удалять зуб мудрости, и стараюсь думать, что все это – ровно то же самое.

Алиев довольно быстро пресекает мои неумелые облизывания и попытки выполнить приказ.

Его тяжелая ладонь снова ложится мне затылок. Он сгребает волосы так, что становится неприятно. А затем слышу холодное:

– Открой рот шире и не дергайся.

Послушно выполняю, побоявшись спорить. И в итоге мужчина просто пользуется мной. Тархает так, как ему удобно – глубоко и размашисто, при этом жестко фиксируя мою голову и лишь иногда позволяя отдышаться.

Я ничего не вижу из-за слез. Кажется, что сейчас я выгляжу просто ужасно – слюна везде, и огромный горячий член во рту, который периодически перекрывает возможность дышать – все это кажется пыткой, которая длится слишком долго.

А может, я просто не могу трезво оценивать время.

В момент, когда Алиев толкается особенно глубоко и задерживается, не позволяя отстраниться, я начинаю паниковать.

Впиваюсь пальцами в его крепкие бедра.

И тут же понимаю, что происходит – едва не захлебываюсь от горячей жидкости, которая наполняет мой рот.

Я поражена и дезориентирована. Даже мысли не мелькнуло, что этим все может закончиться.

Я отстраняюсь, с трудом выравнивая дыхание. В горле саднит, на затылке чувствую фантомную хватку, хотя Ратмир уже отпустил меня.

И в этот момент раздается оглушающий выстрел.

4 Надя

Я далеко не сразу понимаю, что оглушающим он мне кажется только потому, что я слишком растеряна. Алиев уже поднимается с дивана, когда хлопает входная дверь.

Я так и сижу на полу, пытаюсь побороть шум в ушах.

На пороге гостиной появляется мужчина. Он в одной рубашке цвета хаки и такого же цвета штанах карго.

– Малой пострелял, – коротко произносит, глядя на Алиева. – Парни уже поймали его.

Тот лишь кивает. А затем взгляд незнакомца переходит на меня.

– Ты закончил? – спрашивает он, не глядя на Ратмира.

Я тут же прикрываюсь. Подтягиваю к себе плащ и кутаюсь в него. Страшно подумать, как я сейчас выгляжу всего того, что сделал со мной Алиев.

– Хочешь присоединиться? – вдруг ухмыляется тот. – Попользовать мой подроак?

Мужчина озадаченно хмыкает и смотрит на Ратмира.

– И кто устроил подгон?

Чувствую, как теперь оба смотрят на меня. И снова у меня жуткое чувство, что плащ совершенно не защищает. Будто я все равно на виду – обиженная и униженная.

– Борисов, – медленно отвечает Алиев, внимательно глядя мне в лицо.

Так Борисов это он? Тот старик, купивший меня?

– Щедро, – ухмыляется второй мужчина. – Сладкая девочка. Понравилась?

– Не умеет ни черта, – равнодушно отвечает Ратмир. Смотрит при этом на меня так безразлично, как будто это не он только что трахал меня довольно рьяно.

Стискиваю зубы, чтобы не ляпнуть ничего. Кошусь на диван – пистолета уже нет.

– Оставишь? – наконец, спрашивает второй.

От того, что они вот так обсуждают меня – как вещь, которая не может их слышать – внутри разливается что-то жгучее и ядовитое. Никогда не была мстительной, но кажется все бывает впервые.

– Сойдет, чтобы сбросить напряжение, – отвечает Алиев. Снова бросает на меня холодный взгляд. Тут у него звонит телефон, и Ратмир отвлекается.

А вот его друг или подчиненный – никак не пойму – наоборот, так и смотрит. Словно ищет что-то у меня во взгляде.

– Да, Артур со мной., – слышу приглушенный голос Алиева, доносящийся из коридора. – Хорошо, сейчас будем.

Проходит всего пара секунд, как он заглядывает в комнату.

– Поехали, Тихомиров уже в аэропорту.

Артур, наконец, отворачивается от меня, и я могу дышать свободнее.

– А как же я? – спрашиваю, когда оба мужчины уже покидают гостиную.

Не особо верю, что хоть один из них отреагирует. Но на удивление Ратмир возвращается. Снова его давящий хищный взгляд отравляет воздух в гостиной. Пусть между нами несколько метров, но я вновь испытываю животный страх.

– Твое место – здесь, – чеканит он. – Будешь нужна – за тобой придут.

Они уходят, а я сижу, оглушенная словами – за тобой придут.

Придут? Это значит... Господи, он что, правда отдаст меня охране?!

Несколько минут я пытаюсь представить, что будет дальше. В итоге вскакиваю и бегу в ванную. Сначала я тщательно умываюсь. Потом снова ищу хоть что-то, что поможет. Понимаю, что против охранников я мало что могу. Видела того же Олега. Высокий, сильный, накачанный. Да он так смотрел, что ясно было – поймает, повалит и руки заломит. И плевать ему будет, что я вообще-то девушка.

Но и просто сидеть ждать, пока меня отдадут другим...

Это очень странно, но ступор, в котором я пребывала рядом с Алиевым, сменяется жадной деятельностью.

Внутри горит потребность хотя бы попытаться отбиться. Даже если это будет последнее, что я сделаю.

Всхлипываю, вспоминая бабушку, и по третьему разу обхожу домик. И только тут попадаю на кухню, да и то случайно. Дверь в нее была заперта. Но я, отчаявшаяся и готовая биться в истерике, начала дергать ручку, и та поддалась.

Замерев на пороге, я сначала не верю своей удаче. Оглядываюсь – судя по всему здесь мало кто бывает. Комната хорошо если метров семь квадратных будет. Вроде чисто, но пусто. Подхожу к столу, дергаю ящики – один за другим. Почти ничего нет. Пара пакетов, поварешка. Трубочки для коктейлей.

А потом мне наконец везет – я нахожу вилки, ложки и... нож. Пусть всего один и не очень острый, но это хоть что-то.

Сжимаю рукоять пальцами. Меня трясет. Медленно выдыхаю. Боюсь представить, что будет дальше, но так мне чуть спокойнее. Я уже собираюсь закрыть ящик, как вдруг чувствую, как мне в спину утыкается что-то твердое.

И холодное.

Раньше я бы ни за что не поняла, но после того, как еще недавно Алиев ткнул мне пистолет в висок, я уже интуитивно догадываюсь, что это такое.

– Ку-ку, – раздается тихий голос позади.

Медленно оборачиваясь, я ожидаю увидеть кого-то из охраны или даже самого Ратмира. Но уж точно не мальчишку, держащего в руках пистолет.

Так и стою застыв, глядя на него через плечо, пока тот не делает шаг назад и не взмахивает пистолетом, давая понять, чтобы я развернулась к нему полностью.

Медленно выполняю его требование. В голове – полный штиль. Я не просто растеряна. Я в шоке!

– А ты кто такая? – спрашивает он, продажная держать меня на мушке. При этом во взгляде – чистейшее любопытство. И я бы, наверное, даже нашла, что ответить, но не под дулом пистолета.

Так и зависаю, глядя на оружие в руках мальчика. Сглатываю, невольно вспоминая, как Алиев буквально недавно угрожал мне им же.

Пока я борюсь со своим страхом, мальчик вздыхает как-то расстроено и опускает пистолет.

– Он не заряжен.

– Точно? – невольно вырывается у меня вопрос.

Тот неуверенно кивает, затем смотрит на пистолет в своей руке. Вращает рукой так, словно у него затекло запястье, а я аккуратно стараюсь сместиться в сторону, чтобы не попасть под случайный выстрел.

– Точно, – кивает он. – Слишком легкий.

Он произносит это таким уверенным тоном, что мне окончательно становится не по себе. Что это за место такое, что подросток вроде него умеет обращаться с огнестрельным оружием?!

– Так кто ты? – возвращается мальчик к своему вопросу.

– А ты?

– Я – Арсен, – важным тоном отвечает он. И смотрит так, что я невольно вспоминаю Алиева. Они похожи с ним. Не копия, конечно. Но в глазах неуловимое сходство – те же темные глаза, в чертах лица тоже есть что-то общее. И еще непослушные чуть кудрявые черные волосы. У Алиева они зачесаны назад, но сдастся мне, если так же сделать и мальчику, выйдет что-то такое же.

– Я Надя, – осторожно отвечаю, когда молчание затягивается, а парнишка по-прежнему пытливо смотрит на меня, явно не собираясь отставать.

Сейчас, когда пистолет не направлен на меня, чуть спокойнее. Но тем не менее я стараюсь держаться на чеку.

– А ты почему здесь? – задает он вполне логичный вопрос.

– Так решил хозяин дома, – развожу руками.

Вроде моей вины в случившемся ноль, но мне сейчас жутко стыдно за то, что я, получаюсь, здесь как какая-то девочка по вызову сижу жду, когда понадобится хозяину.

– Дядя Ратмир? – уточняет Арсен.

– Так вы знакомы?

На лице мальчишки появляется снисходительная усмешка. Видно, что он старается держаться по-взрослому, но и мимика, и то, как он держится, выдает в нем ребенка.

– С моим дядей? – фыркает он. – Конечно! Вообще-то я его любимый племянник, – заявляет он с гордостью.

– И дядя разрешает любимому племяннику играть с огнестрельным оружием? – спрашиваю, кивая в сторону его руки, в которой по-прежнему пистолет.

Мальчик тут же тушует, и вся его бравада мгновенно слетает. Он бросает на меня взгляд исподлобья и довольно резко огрызается:

– Я достаточно взрослый! Мне скоро будет двенадцать!

Непонимающе смотрю на него. Это что, вроде как оправдание?

– В четырнадцать я получу знак семьи! – запальчиво добавляет он. – А еще я уже сейчас отлично стреляю!

Меня шокирует то, с какой уверенностью ребенок заявляет о том, что считает нормальным играть с настоящим оружием. Теперь к портрету Алиева добавляется еще пару мазков, и честно говоря, он становится только страшнее и хуже для меня.

– То есть твой дядя не против, – бормочу, ужасаясь тому, куда попало. Какой-то кошмар, честное слово!

Замечаю, как Арсен снова теряется и отводит взгляд, а затем ведет плечом и неохотно сознается:

– Нет, он запрещает, – вздыхает расстроено. – Но ведь я большой и могу стрелять, куда надо!

В его голосе столько детского отчаяния, что мне кажется, дело не просто в желании побегать с пушкой, как многие мальчишки в его возрасте.

– Я же должен уметь себя защищать. Вот ты даже не услышала, как я зашел в дом! – победно добавляет он.

– Кстати как ты это сделал? – запоздало спрашиваю. – Дверь вроде заперта.

Арсен хитро улыбается, снова преображаясь. Удивительный ребенок.

– У меня есть свои секреты, – с гордостью заявляет он, словно это и правда придает ему значимости. – Заметил свет в доме, решил проверить, кто здесь.

Киваю, мысленно отмечая, что было бы неплохо узнать про эту самую возможность выйти из дома иначе. Пока бежать некуда, но как знать.

– А зачем тебе нож? – вдруг спрашивает Арсен, и я только тут вспоминаю, что до сих пор держу его в руках. – Надя, ты разве не знаешь, что нож не поможет против пистолета? – добавляет он тоном знатока.

– Ты застал меня врасплох, – признаюсь растерянно.

Мальчик кивает с важным видом, а затем, шагнув к столу, кладет на него пистолет. Он подходит ко мне ближе и пытается забрать нож. Я тут же отвожу руку в сторону и поднимаю выше, чтобы он не достал.

– Эй, ты чего это удумал?

– Покажу, как надо с ним обращаться, – самоуверенно заявляет ребенок.

Я тут же отхожу на пару шагов и мотаю головой.

– Ты откуда вообще такого понабрался?

Арсен замирает, а затем очень сильно выдает:

– Мужчина должен быть сильным. Тогда я буду полезным дяде, и он не отправит меня закрытый пансион.

Я вижу, что он храбрится, но на последних словах его голос все же дрожит. А в глазах мелькает что-то такое, что у меня появляется иррациональное желание помочь.

– А где твои родители? – осторожно спрашиваю.

Вот тут выражение лица Арсена неуловимо меняется – он чуть бледнеет, а в глазах застывает боль. Это настолько дико смотрится, учитывая, что ребенку нет и двенадцати, что я вздрагиваю.

– Умерли, – тихо отвечает он и опускает взгляд. – Их убили.

Не знаю, что именно меня толкает на такой поступок, но отложив нож, я делаю шаг к мальчику и осторожно сжимаю его за плечо.

– Мне очень жаль, – искренне говорю, желая поддержать ребенка.

Он настороженно смотрит на меня исподлобья. Я уже собираюсь аккуратно расспросить его про Алиева, как слышу хлопок входной двери.

И вот тут Арсен вновь преображается, но теперь в его взгляде откровенный страх.

– Это кто-то из охраны или дядя, – сдавленно шепчет он. – Не выдавай меня!

Он вцепляется в мою руку.

– Если меня найдут, то отправят в пансион!

Слышу приближающиеся шаги – на решение у меня всего пара мгновений. И, поколебавшись, я все же киваю. А после решительно выхожу из кухни – и как раз вовремя, чтобы успеть заметить мужской силуэт.

5 Надя

Мне требуется несколько секунд, чтобы узнать Олега. В первый момент мне показалось, что это Алиев вернулся.

Охранник проходится по мне суровым тяжелым взглядом. А я на автомате поплотнее запахиваю халат. Пусть я и не улавливаю в глазах Олега мужского интереса, провоцировать не хочу.

К тому же Ратмир упомянул, что когда я понадобится за мной придут.

– Одна? – сухо спрашивает мужчина.

Растрянно киваю.

– Ратмир ушел, – говорю, прикрывая шею ладонью.

Я жутко нервничаю под пристальным взглядом охранника. Он так смотрит, словно точно знает, что на кухне – Арсен.

И наверное, логичнее было бы сознаться, что ребенок прячется в доме. Но что-то в его взгляде и том, как он говорил про пансион, как сильно испугался, как только услышал, что кто-то пришел, задело меня.

Я понятия не имею, какие порядки у Алиева, и как накажут мальчика за непослушание. И уж точно не хочу быть причиной того, что его найдут.

Олег хмурится, смотрит мне за спину.

– Нашла кухню, думала хотя бы воды попить, – добавляю, надеясь переключить внимание мужчины.

Вообще в мыслях сейчас бардак, и меня слегка потряхивает – ведь если охранник найдет Арсена, скорее всего, об этом узнает Алиев. И что еще он придумает, сложно предсказать.

– Еду принесут чуть позже, – наконец, неохотно бросает он и отступает.

Я до последнего боясь пошевелиться – вдруг это какая-то ловушка. Только когда в коридор выглядывает Арсен, отмираю и прихожу в себя.

– Ушел, – тихо восторгается ребенок. – Ты правда не выдала меня? – он удивленно смотрит на меня – словно я совершила какой-то странный поступок.

– Ну, я так поняла, тебе попадет, если найдут?

Мальчик виновато отводит взгляд и пожимает плечами.

– Дядя запрещает брать оружие, – неохоте признается он. – А я сегодня нашел пару. Один припрятал, из второго пошел мишени опробовать. Думал, дяди Ратмира нет.

Теперь мне становится более понятно, о ком говорил Алиев со своим другом.

– Отругали?

Арсен вздыхает – ловлю его взгляд полный злости и разочарования.

– Сказали, еще раз, и поеду в пансион на месяц раньше, – зло бросает он. – А я не хочу! Я должен за маму отомстить!

Столько злости и отчаяния в его голосе, что я даже слов не нахожу в ответ.

– Так может если ты не хочешь в пансион, то стоит сказать об этом Ратмиру? – предлагаю, чуть подумав.

Вообще у меня не сложилось впечатления, что Алиев – человек, с которым можно договориться. Но может быть со своими близкими он не такой сухарь и циник?

Арсен в ответ тихо хмыкает – так горестно, что мне ответ становится ясен без слов.

– Я пока живу у него, но дядя Амир обещал меня забрать. И тогда уже отдать после нового года в пансион для мальчиков.

– А дядя Амир это?

– Брат моего отца. И он считает, что я должен жить с ним, но дядя Ратмир меня забрал после похорон родителей.

Мысленно раскладываю эти хитросплетения.

– Получается, что Ратмир – твоя дядя по отцовской линии?

– Нет, по маминной, – тихо отвечает мальчик.

Он вроде старается выглядеть взрослым и сильным, но в его детских глазах мелькает тоска каждый раз, когда он упоминает мать.

И это резонирует с моими чувствами. Я ведь тоже лишилась мамы. Потеряла ее еще девочкой, осталась только с бабушкой.

Которая теперь с ума сойдет...

Эта мысль, вспыхнув, мгновенно отравляет собой все. Липкое отчаяние снова завладевает мною.

– Надя, а ты почему плачешь? – непонимающе смотрит на меня ребенок. Тут же стираю слезы со щек – даже не поняла, как они пролились.

– Просто чувствую себя не очень.

Арсен хмурится, и как назло в этот момент мой желудок начинает урчать. Да так громко, что я готова от стыда провалиться сквозь землю.

– Ты голодная, – озвучивает он очевидное.

– Не успела поесть.

Мальчишка тут же воодушевляется.

– Я принесу тебе вкусное! На кухне у бабы Раи есть такие блинчики! Пальчики оближешь, точно тебе говорю!

Он разворачивается и торопится обратно в кухню, а когда я иду за ним, вдруг резко тормозит.

– А ты не подсматривай – я пока не готов тебе показать, как пришел.

И говорит он это тоном, прямо как взрослый. Еще и смотрит так, что я улавливаю схожесть с Алиевым.

Поднимаю ладони вверх, сдаваясь. Подхожу к столу и, забрав нож, выхожу в коридор. Прикрываю за собой дверь, надеюсь, что Арсен забудет про пистолет. Тогда это будет мой шанс.

Но когда я буквально через пару минут возвращаюсь, приходится признать, что Арсен – слишком смысленный и внимательный мальчик. Оружие он забрал. Надеюсь, оно действительно не заряжено, и он не навредит себе.

Осматриваю кухню, начиная с окна. Первая мысль, что он банально забрался на подоконник. Но ничего подобного. Окно плотно закрыто и снаружи не открывается.

Оглядываю шкафы по очереди. Но тоже ничего.

Да куда же он подевался?

Так и не найдя ответа, я ухожу обратно в гостиную. Жду, что Арсен вернется, и думаю, как бы его разговорить. Но время идет, а мальчика все нет. За окном окончательно темнеет. Устав ждать, я укладываюсь на диван. Усталость сказывается, и я почти не думаю о том, что здесь еще недавно сидел Ратмир.

Сама не замечаю, как проваливаюсь в тягучий вязкий сон. Куда-то бегу, кричу, пытаюсь вырваться.

Нет четких образов, но меня преследует ощущение, что я в плену и должна выбраться.

Просыпаюсь в холодном поту – резко, словно рубильник внутри включили.

Спросонья я не сразу понимаю, что в комнате не одна – на пороге гостиной стоит Алиев. Возвышается словно палач, который пришел исполнить приговор.

6 Надя

Утренний свет едва пробивается через шторы, но его хватает, чтобы понять – взгляд у мужчины тяжелый и давящий.

Медленно поднимаюсь, натягивая на себя плед повыше. Пусть я сейчас в халате и укрыта, все равно ощущение, что голая перед Ратмиром.

Он медленно проходит, окидывает меня взглядом, затем комнату. А после молча выходит в коридор.

Я ничего не понимаю. Растираю лицо руками, чтобы окончательно проснуться.

И когда снова открываю глаза, вижу Алиева. А еще стул посреди комнаты, который он принес из кухни.

– Садись, – сухо приказывает он, кивнув на него.

Мне жутко неуютно под его холодным взглядом. Ощущение, что у меня петля на шее, которая давит, напоминая о моем положении. Я даже поправляя ворот халата, невольно касаюсь шеи, чтобы убедиться, что это лишь фантомное ощущение.

Тяжело сглотнув ком в горле, я все же встаю с дивана и пересаживаюсь на стул. Спина к опасному мужчине.

– Руки на колени, – звучит еще один приказ.

Не просьба, а именно приказ. Как собаке.

Меня передергивает от сравнения, пришедшего в голову, но я терплю. Стиснув зубы, выполняю требуемое. В голове мелькает мысль, что Арсен так и не вернулся, получается.

Остается надеяться, что он не попался на своей попытке принести мне еды. Не хотелось бы, чтобы у него были проблемы с дядей.

С трудом разбираю какой-то шелест за спиной, а в следующее мгновение чувствую что-то на своей шее.

Я не успеваю даже вскрикнуть, как приходит понимание – петля затягивается. Я могу дышать, но лишь потому, что давление пока не настолько сильное.

Паника прокатывается ледяной волной по телу. А в следующее мгновение меня бросает в жар, и тысячи иголок ужаса впиваются в мое тело.

Вскидываю руки к шее и тут же слышу:

– Руки!

Алиев не повышает голос, но одного слова достаточно, чтобы я замерла, боясь пошевелиться.

– На колени, – добавляет он.

Мне приходится опустить руки. Петля на шее, похоже, от ремня. Я не могу быть уверена – может, Ратмир принес с собой удавку. Такой как он – может.

В голове мелькают мысли одна страшней другой. Он подумал, что я бесполезна? Решил, что тот мерзкий старик меня нанял для чего-то? Или Артур что-то наболтал, и...

– О чем ты говорила с Арсеном? – спрашивает Ратмир. Его ладонь ложится мне на затылок, наматывая мои волосы на кулак.

Я и так напряжена до предела, так еще и это.

– С кем? – задушенно сиплю. Мысли скачут в голове – я не понимаю, как быть. Признаться? Поможет ли это? Или усугубит ситуацию? Или, может, мальчишку накажут, как только Ратмир найдет доказательства, что тот пробрался ко мне в домик?

Петля стягивает шею, пугая и загоняя в ловушку. Наплевав на приказ Алиева, я цепляюсь пальцами за ремень, мешающий дышать. Чувствую, как хватка в волосах становится более жесткой.

– Я повторю один раз, и если ты продолжишь играть в идиотку, жизнь твоя закончится. О чем ты говорила с Арсеном?

– Я... П-прос... то... Не... могу...

Давление ослабевает, и у меня выходит вдохнуть воздух. Легкие жгут. Но не от недостатка кислорода – это дикий ужас выжигает во мне все дотла.

– О чем?

– Об оружии, – шепчу, дрожа всем телом. – Он сказал, что хорошо стреляет.

– Как он оказался в доме?

– Я не знаю. Он застал меня врасплох. Как зашел, не ответил.

Я отвечаю максимально быстро, боясь, что Алиев повторит пытку ремнем.

– Что еще он говорил?

Голос Ратмира звучит холодно и отстраненно, но мне кажется, что атмосфера в гостиной пропитана его яростью. Обжигающе ледяной. И дикой.

Я не вижу лица мужчины, но чувствую, что любое неверное слово может стать приговором.

И мне страшно. Мне до чертиков страшно! Настолько, что я перестаю чувствовать кончики пальцев.

– Что он племянник, и что не хочет, чтобы от него избавлялись.

Хватка в волосах становится жестче.

– Избавлялись? – в голосе Алиева проскальзывают странные нотки. Будто что-то человеческое. Я молчу, подбирая слова. И пока раздумываю, Ратмир отпускает мои волосы, обходит и встает так, что теперь смотрит мне прямо в глаза.

– Он так сказал?

Его вопрос толкает меня на безумие, и потом я обязательно пожалею о своем порыве. Но в этот момент я просто озвучиваю то, что думаю:

– Нет, по другому. Но судя по тому, что рассказал ребенок, он не хочет в пансион, куда ты его сплывишь, чтобы не напрягаться.

Взгляд мужчины вспыхивает раздражением. Я понимаю, как сильно сглупила, но уже поздно. И смысла отнекиваться нет.

– Мальчик просто не понимает, что рядом с таким, как ты, ему будет еще хуже!

Мгновение, и Ратмир подается ко мне. До боли сжимает пальцами щеки, лишая возможности говорить.

– А ты, видимо, до черта разбираешься в воспитании детей? Смелая продажная шкура, которая решила поучить меня, как управляться с племянником?!

Он не повысил голос, но от этого эффект получается лишь более пугающий. Я не могу выдавить ни слова – и дело не в ремне на шее. Петля ослаблена, и я могу полноценно дышать. Но то, как смотрит на меня Ратмир...

Он будто прожигает во мне дыру – злость клокочет на дне его темных глаз. Внешне он спокоен, но я остро чувствую, насколько он взбешен моими словами.

– Он просто ребенок, который потерял родителей, и не хочет остаться один.

На эту фразу уходит вся моя смелость. И если сейчас Алиев припугнет меня сильнее, то это будут мои последние слова.

– Для простой подстилки ты знаешь слишком много, – медленно произносит он. Отпускает лицо, но затем его ладонь сползает ниже и ловко перехватывает конец ремня у меня за спиной.

В этот момент умирают остатки надежды, что все обойдется.

Я почти готова, что Алиев снова перекроет мне возможность дышать. Но вместо этого чувствую, как пропадет с шеи ремень. Да и сам мужчина отходит в сторону. Я не вижу, скорее, слышу это.

– Попробуешь его использовать, пожалеешь, – хлестко бросает Алиев. – Твое дело – раздвигать ноги. На большее ты не годишься.

Хлопок двери кажется мне оглушающе громким, но я даже не вздрагиваю. Так и сижу, глядя в одну точку, и не веря, что все закончилось.

У меня даже слез нет в этот момент – меня просто слегка потряхивает от пережитого.

Не знаю, сколько проходит времени, нет сил даже просто встать и добраться хотя бы до ванной. Ощущение, что Алиев своим допросом высосал у меня все силы.

До доньшка.

Прихожу в себя только, когда слышу как хлопает дверь. Опять.

Внутренне напрягаюсь до предела, но на пороге появляется один из охранников – кажется, я его видела вчера.

Он молча ставит два пакета у порога и бросает сухо:

– Одежда и еда. К вечеру будь готова.

Мужчина уходит, а я далеко не сразу нахожу силы проверить, что же он принес.

В первом и правда еда, судя по всему из ресторана. На кухне я видела микроволновку, так что разогреть не станет проблемой. Другое дело, что я до сих пор не чувствую голода.

Во втором пакете оказывается платье. Ярко красное. Ультракороткое. Такое, что если я надену, то не останется никаких сомнений, в качестве кого меня буду воспринимать.

К платью прилагаются туфли на высоком каблуке и... крошечные трусики.

И, собственно, все.

Меня начинает мутить только от мысли, куда в таком виде придется идти. Но я слишком хорошо помню взгляд Алиева, чтоб пытаться отказаться.

Время до вечера тянется как резина. Я успеваю поесть и смириться с тем, что придется облачиться в это красное безобразие.

Арсен больше ко мне не заглядывает, и остается только гадать – наказал ли Ратмир несчастного ребенка.

К моменту, когда щелкает замок на входной двери, я уже настолько напряжена и нервничаю, что кажется готова ко всему.

Почему-то я была уверена, что Алиев придет лично. Поэтому когда вижу Олега, слегка теряюсь.

Тот проходится по мне сканирующим взглядом и вроде остается удовлетворен.

– На выход, – командует он.

Туфли жутко неудобные – напоминаю те, в которых мне пришлось подниматься на сцену во время аукциона. Да и вообще я не настолько опытна в ношении высоких каблуков.

Замечаю, как по лицу Олега мелькает кривая ухмылка. Становится гадко. Представляю, что он обо мне думает. И ведь ему плевать, что я здесь фактически против воли.

У дверей он набрасывает мне на плечи тот же плащ. Толкает дверь и выходит первым.

На улице никого. Оглядываюсь по сторонам, и только когда охранник веско напоминает: "топай давай", тороплюсь вслед за ним.

Мы приходим не к воротам, а к гаражу, возле которого уже стоит одна машина, явно подготовленная к выезду.

– Садись, – командует Олег, направляясь к месту водителя.

В салоне прохладно и пахнет хвоей. Ежусь от неприятных ощущений – все-таки в коротком платье и легком плаще пройти даже пара десятков метров в такую погоду – плохая затея.

– А куда мы едем? – осторожно спрашиваю у охранника. Тот не достаивает меня ответом. Только когда я повторяю вопрос, скупно бросает:

– К боссу.

Мерзко от того, что я реально как девочка по вызову. Захотел Алиев – и меня доставили в красивой упаковке.

Неосознанно тру ладонью шею. Следов не осталось, но я до сих пор как будто чувствую петлю из ремня. Не сомневаюсь, Ратмир мог бы довести дело до конца. Просто потому что так решил.

Через полчаса машина тормозит у ночного клуба “Грация”. Я слышана о нем – среди девочек ходили слухи, что это одно из элитных заведений, где можно было поиграть в азартные игры. Да и вообще слава у этого места ходила разная. Сама я ни разу не бывала в подобных клубах. Поэтому стоит мне оказаться в холле, как меня буквально сносит атмосферой богатства и роскоши. Но не той вычурной, которую можно видеть в фильмах.

Скорее тут царит опасность, вседозволенность и порок. Темные тона, в которых выполнен дизайн, внушают определенное настроение.

Черный и золотой – основные цвета, которые присутствуют во всем – и в отделке, и на стенах, да даже в ковровом покрытии.

– К боссу, – коротко бросает Олег одному из охранников.

Тот скользит по мне взглядом и смещается вправо, давая возможность пройти внутрь.

Я торможу, но тут же чувствую, как Олег подталкивает меня вперед. Едва не падаю на каблуках, но мой сопровождающий ловко поддерживает меня.

– Поменьше фокусов, – сухо бросает он и направляет влево – в сторону коридора.

Основной зал представляет собой множество столов, вокруг которых не стулья, а своего рода диванчики.

Но оглядеться как следует я не успеваю – Олег буквально силой тащит меня вперед.

Мы проходим метров пятнадцать, и оказываемся перед портьерой из темного бархата.

Охранник смело отодвигает ее и вынуждает меня зайти первой.

Стоит мне сделать пару шагов, как я оказываюсь под прицелом трех взглядов.

Помимо Алиева, сидящего на черном кожаном диване, здесь его друг, тот самый Артур, который так пренебрежительно говорил обо мне. Сидит на диване напротив.

Еще один мужчина занял кожаное кресло слева. Тоже черное. Внешне он чуть старше Ратмира. Тоже с темными волосами и аккуратно подстриженной бородой и цепким тяжелым взглядом.

– ...доставил, – доносится до меня голос Олега.

– Свободен, – коротко кивает Алиев. Затем, наконец, сосредотачивается на мне.

Я стою, не зная, куда бежать. Мне совершенно не нравится, что я в этом безобразно откровенном платье оказываюсь наедине с тремя взрослыми и очень опасными мужчинами.

– Ну, что встала, проходи, – скалится Артур. – Порадуй нас, куколка.

7 Надя

От этой фразы внутри все сжимается. Мне кажется, даже пол из-под ног уходит. Я уже рисую себе самые кошмарные картинки, когда слышу женские голоса позади. Не успеваю сориентироваться, как в комнате появляется две стройные брюнетки, одетые еще более вызывающе, чем я.

– Ой, привет, – говорит одна из них, проходясь по мне ревностным взглядом. – Новенькая?

– Артурчик, мы немного задержались, – хихикает другая и, пройдя мимо меня, сразу падает на диван рядом с ним.

Ее подруга, не дождавшись от меня ответа, направляется к незнакомцу и грациозно присаживается на подлокотник кресла.

Ратмир приподнимает бровь, безмолвно отдавая мне приказ. На негнущихся ногах иду к нему и занимаю место рядом с Алиевым.

В отличие от двух других девушек у меня нет никакого желания ластиться к мужчине. Напротив, я выбираю максимально возможное расстояние между ними.

– Так что, мы договорились? – спрашивает Артур, теряя интерес ко мне и остальным девушкам. Правда, при этом его ладонь по-хозяйски ложится на обнаженное бедро спутницы.

Смотрит он при этом на третьего мужчину, который мне не знаком.

– Для начала я хочу увидеть документы, – сухо возражает тот.

– Хорош гнать, Аслан. Это выгодная тема для тебя в том числе.

Тот лишь пожимает плечами и подносит к губам стакан с янтарной жидкостью. Девушка, сидящая рядом, кладет ладонь ему на плечо. Не знаю как остальным, но как по мне, фальшь на лицам обеих видна невооруженным взглядом. Ясно же, что они лишь делают вид, что увлечены и восторженны сидящими рядом мужчинами.

– Резник, ты достал, – морщится Аслан. – Твоя жажда деятельности рано или поздно сыграет против вас.

Он кидает взгляд на Алиева и добавляет:

– Скажи своему помощнику, чтобы поумерил пыл.

Ратмир вообще на меня не смотрит, и мне кажется это идеальным решением. Я стараюсь не отсвечивать, понимая, что у мужчин тут свои разговоры.

– Вообще-то он прав, – неожиданно возражает он. Затем смотрит на девушек и лишь коротко им обеим кивает. Только что они старательно отыгрывали свою роль, и тут обе поднимаются и покорно выходят из комнаты. Я растерянно смотрю на Ратмира, полагая, что мне тоже стоит последовать за ними. Однако тот вместо того, чтобы подтвердить мою догадку, откидывается на спинку дивана и внаглую кладет ладонь мне на коленку.

У меня во рту пересыхает, и Резник будто в насмешку спрашивает:

– Что, куколка, может выпьешь с нами?

Я тут же мотаю головой.

– Территория Аскерова давно должна быть твоей, – возобновляет разговор Алиев, напрочь игнорируя предложение своего друга. Я сижу ни жива ни мертва. Не понимаю, как быть. Ратмир дал понять, что надо остаться. Но зачем? Ясно же, что у них тут свои дела. Девушек вон попросили выйти. А я? Зачем тут я?!

– И я сам улажу этот вопрос, – жестко пресекает Аслан. – Или ты сомневаешься в этом?

– Новая война никому не нужна, – философски заявляет Артур. – Куда выгоднее решить все в деловой плоскости, договориться о сотрудничестве.

Мужчина мрачно скалится, демонстрируя ровные белые зубы.

– Предлагаешь проглотить все, что они сделать? Хер им, а не сотрудничество.

– И что ты планируешь делать? – абсолютно спокойно спрашивает Ратмир. – Ты знаешь, что нам нужен выход на порт. Иначе все поставки встанут.

Лучше бы мне вообще не смотреть на них, но я застываю, замороженно глядя, как меняется выражение лица Аслана.

Не знаю, что там у них за сложности, но я бы от такого мужчины держалась подальше.

– У Аскерова дочь выходит замуж скоро. Сделаю им подарок.

Алиев переглядывается с Артуром. Тот неодобрительно фыркает. Меня не покидает ощущение, что я здесь – лишняя. И что каждое сказанное здесь слово – еще одна причина, по которой мне не дадут в итоге вернуться к своей жизни. Хочется закрыть уши ладонями и сбежать.

Чтобы не знать. Не видеть. Не слышать ничего, что потом может бы сыграть против меня.

И будто услышав мои мысли, Алиев поворачивается ко мне. Ощутимо сжимает мою коленку и небрежно произносит:

– Прогуляйся. У тебя полчаса.

Я тут же срываюсь с места. Едва не путаюсь в ногах, напрочь забыв про дурацкие шпильки. Представляю, как все это выглядит, но если честно, уже плевать.

В коридоре никого. Словно сюда не решаются приблизиться другие посетители, зная, что здесь в ВИП комнате собираются самые опасные хищники.

Только пройдя несколько шагов, немного успокаиваюсь. Дышится тут значительно свободнее. Я возвращаюсь в общий зал и оглядываюсь по сторонам, а заметив барную стойку, иду к ней.

Свободных столов нет, а стоять у стеночки в коридоре еще более странно. Не хотелось привлекать к себе лишнее внимание.

Мне кажется, что все вокруг пялятся на меня из-за моего слишком откровенного наряда, но это скорее мои переживания. Потому что здесь полно куда более раздетых девушек.

Заняв свободный стул у края барной стойки, медленно выдыхаю. Я не успеваю даже ответить бармену, когда тот подходит, как рядом со мной появляется тот самый мерзкий старик, который заплатил пять миллионов.

Борисов.

– Ну что, поздравляю, первый этап ты прошла.

Я растерянно хлопаю глазами, пытаюсь понять, что именно стоит за этими словами.

– Этап?

Он гадко ухмыляется и окидывает меня оценивающим сальным взглядом. Учтывая, во что меня вырядили, его ухмылка становится еще шире и довольнее.

– Оттрахал тебя Алиев? Распечатал по полной?

Я не просто теряю дар речи, но и краснею. Чувствую, как жар заливает меня от макушки и до пяток. Хочется помыться после таких слов!

– Нет? – удивленно хмыкает Борисов. Задумчиво трет пальцами подбородок. – Интересно.

– А мне неинтересно! – выплевываю. – Вы меня угрозами и шантажом заставили участвовать во всем этом!

Мои возмущения старика не трогают – он лишь довольно фыркает и забирает у бармена бокал с чем-то прозрачным.

– Так, – заговаривает он уже гораздо тише, – раз он тебя не выбросил сразу, а даже в клуб свой притащил, значит, останешься надолго у Алиева. И будешь за ним следить.

– Ч-что?!

Старик наклоняется ко мне ниже, при этом мельком оглядывается по сторонам и цедит:

– Хочешь, чтобы твоя бабка осталась жива, будешь рассказывать мне все, что услышишь.

Поняла?

У меня в голове щелкает и всплывает все, что только что обсуждали Ратмир со своими друзьями. То есть вот что я должна делать? Раздвигать ноги и шпионить?

Мерзко. Гадко. Противно!

Никогда в подобном не участвовала и не собираюсь. Но...

– Что глазами лупаешь? – фыркает Борисов, отстраняясь. – Не обижу, даже бабок подкину, если будешь хорошо стараться. А если нет...

Он недоговаривает, но посыл ясен и так. Бабушка. Рычаг давления на меня.

Борисов пропадает так резко как появился – не успеваю даже заметить. Просто ненадолго отвожу взгляд, а когда снова смотрю – его уже нет.

Бармен ставит передо мной чашку с кофе. Киваю благодарно и понимаю, что денег-то расплатиться у меня нет.

Беспомощно смотрю по сторонам. Что делать? Позвать Ратмира?

Стыд окатывает меня, а следом я вспоминаю, что вообще-то ничего не заказывала.

Встреча с Борисовым настолько выбила меня из колеи, что я даже не подумала об этом.

– Я не просила, – говорю бармену.

Тот усмехается и, наклонившись ко мне, говорит:

– За счет заведения. Просто комплимент красивой девушке.

Я успеваю только попробовать кофе, когда рядом возникает высокий бритоголовый охранник.

– Заканчивай, – басит он. – Босс хочет тебя видеть.

– Какой босс? – рискую уточнить.

На лице мужчины отражается работа мысли, а затем он просто хватается за плечо и стаскивает со стула.

– Босс не любит, когда опаздывают, – рыкает он. – Пошла давай.

Мы снова возвращаемся к той самой ВИП комнате. У портьеры я торможу, но охранник так выразительно смотрит, что приходится идти первой.

Но лучше бы я этого не делала. Теперь Ратмир остался со своим другом Артуром. Правда, на нем сидит та самая девушка, которая терлась рядом с ним буквально полчаса назад.

Вот только теперь она практически голая. И судя по всему они оба собираются заняться интимом прямо тут, в общей комнате.

Замираю с ужасом глядя то на парочку, то на Алиева, который по-прежнему на том же диване сидит, широко расставив ноги.

– Время поработать, – небрежно бросает он мне и кивает на пол.

Краем глаза замечаю взгляд Резника. Острый, пронзительный и цепкий.

Словно ему очень интересно, что будет дальше.

Мне очень хочется сбежать, но я понимаю – некуда. В коридоре ждет охранник. И даже если ушел, я уверена, перехватят меня быстро. К тому же там еще и Борисов с угрозами.

Ратмир давит взглядом, и я делаю один шаг к нему. Подхожу еще ближе. Понимаю, чего именно он ждет от меня, но не могу.

Просто физически не могу заставить себя опуститься на колени перед ним, зная, что мое унижение будут видеть другие.

– Можно не здесь? – сиплю, зажмурившись.

Я понимаю, что Алиев имеет достаточно возможностей, чтобы заставить меня. Даже изнасиловать прямо тут. И никто ему не скажет и слова.

– Пожалуйста, – добавляю, зная, что этого зверя ничто не может растопить.

И все же я хватаюсь за возможность, до последнего веря в чудо.

– Я прошу...

8 Надя

Секунды растягиваются, превращаясь в минуты. Мне кажется, время застывает, а Алиев молчит и только смотрит.

Жду, что он снова отдаст приказ. Готова ли я к этому? Нет, конечно. Но я все больше убеждаюсь, что в нем нет ни грамма человечности.

В момент, когда я уже готова рухнуть на пол от отчаяния, Ратмир неожиданно поднимается с дивана и молча выходит из ВИПки. Я так ошарашена его поступком, что пару секунд торможу, и только стоны девушки, объезжающей Артура, приводят меня в чувство.

До этого я как будто оглохла.

Тут же выбегаю вслед за Алиевым. Хотя это громко сказано – в туфлях на шпильке быстро передвигаться – тот еще квест.

Догоняю его и стараюсь не отставать.

Мужчина даже не считает нужным обернуться или как-то объяснить свое поведение. Он излучает абсолютную уверенность, что я как послушная собачонка последую за ним. Сосредоточившись на том, чтобы не упасть, не сразу замечаю невысокого парня, который идет нам навстречу.

– Ратмир Хасанович, что желаете?

– Есть свободная комната?

– Конечно, – тут же кивает тот. – Вот, – передает ему ключи. – Пятая. Бордо.

Алиев забирает их и сворачивает по коридору направо. Я следую за ним, стараясь не думать о том, как все это выглядит со стороны.

Понимаю, что ничего хорошего меня дальше не ждет, но как минимум не при посторонних. Пусть хотя бы крохи самоуважения останутся при мне.

Я почти не удивлена, когда мы заходим в отдельную комнату, в которой все кричит о ее назначении.

Разве что нет кровати. Зато есть мягкий диван полукругом. Алиев уверенным шагом направляется к нему, валяжно устраивается на нем и выжидающе смотрит на меня. Прямо напротив него установлен шест, и взгляд мужчины скользит по нему весьма красноречиво.

– Я должна?

– Для начала станцуй, – равнодушно приказывает он.

Щелкает пальцами, указывая на небольшой шкаф, в котором я нахожу колонку для управления музыкой.

Я мало что понимаю в пластичных танцах у шеста. Да и не знаю, какие именно треки лучше ставить. Но мысли отказаться даже не возникает – я слишком хорошо помню, каким жестоким может быть Ратмир. В итоге выбираю какую-то мелодию.

Уже по первым аккордам становится ясно – подтекст тут сексуальный.

Здесь пригленный свет и в отличие от остального клуба отделка в бордовых тонах.

Кажется, это цвета страсти. А я как раз в ярко красном платье. Просто комбо!

Оборачиваюсь, чувствуя пристальный взгляд мужчины.

Внешне кажется, что он расслаблен, но я не обманываюсь. Алиев – это жестокий хищник, который, не раздумывая, перегрызет тебе глотку.

Я до сих пор чувствую, как он сдавливал ремнем мое горло, допрашивая про разговор с Арсеном.

Мне страшно, но я все-таки пытаюсь делать хоть что-то. Скорее всего, выглядит это косо-криво и абсолютно не грациозно. Тело словно деревянное – не слушается. И если в любой другой ситуации я бы смогла сориентироваться и подстроиться, то сейчас – нет.

Все, что во мне есть – это страх. Страх сделать хуже. Меня загнали в угол, и я понятия не имею, как из него выбираться.

Алиев следит за каждым моим шагом, за каждым жестом. Уверена, он в душе потешается – наверняка на фоне остальных красоток, которые с готовностью запрыгнули бы на него, я выгляжу как сплошное недоразумение.

Наверное, я морально готова услышать критику в свой адрес, но Ратмир молчит. Не произносит ни слова, только смотрит-смотрит-смотрит.

Так, что у меня мурашки по коже. Вот так чувствует себя кролик, когда перед ним появляется змея, готовая сожрать его.

Вряд ли мой танец можно назвать соблазнением. И все же Ратмир трубет:

– Раздевайся.

Я замираю. Музыка продолжается, но я не могу пошевелиться. Потому что по факту, чтобы раздеться, мне нужно всего лишь дернуть молнию на платье. На мне одни только тонкие трусики. И все.

Я инстинктивно обхватываю себя за плечи.

– Я могу еще станцевать, – предлагаю, поддавшись глупой надежде. Умом понимаю – все идет к тому, что Алиев снова меня использует.

– Борисов уверял, что подарок отличный, – прищурившись, выдает Ратмир.

Фамилия старика обжигает, заставляя вздрогнуть. Тут же вспоминаются его угрозы в сторону моей бабушки.

– Сосешь ты херово, – продолжает Алиев. – Поэтому разделась и коленями на диван.

Казалось бы, я должна была предвидеть это. Морально быть готовой. Но меня все равно буквально парализует от цинизма в его голосе, от той небрежности, что сквозит во взгляде.

Я – просто игрушка. Дорогой подарок, которым он воспользуется.

– Я начинаю думать, что у тебя плохо со слухом, – раздраженно бросает Алиев.

Медленно выдыхаю и мотаю головой, смиряясь с тем, через что придется пройти. Опускаю взгляд – так я хотя бы не вижу лица Ратмира. Завожу руки за спину и, найдя язычок молнии, дергаю вниз.

И как назло он застревает! Несколько попыток заканчивается тем, что я беспомощно всхлипываю. Слышу, как Алиев оказывается рядом. Не успеваю даже пискнуть, как он не раздумывая, дергает мое платье так, что оно рвется. А я оказываюсь фактически голой.

Я в ступоре. Кое-кто из девочек хвастался своим парнем, что, мол, он настолько горяч, что порой рвет на ней трусики. Я всегда считала, что это преувеличение.

И вот прямо на моих глазах Ратмир оставил от платья просто две бестолковые тряпочки.

– А как же я теперь... – срывается у меня с губ.

Но вместо этого го чувствую давление на спину, и буквально за пару секунд оказываюсь на диване. В очень провокационной и беззащитной позе.

Раскрытая и уязвимая, я не готова к тому, как равнодушно будет ко мне прикасаться Алиев.

Его пальцы скользят по моей спине, ныряют ниже, к трусикам и бесцеремонно отодвигают их.

Вздрагиваю и пытаюсь отстраниться, но тут же чувствую, как он удерживает меня свободной рукой за бедро.

– На месте стой, – раздается равнодушный приказ. Словно щелчок кнута.

– Пожалуйста, я не... – замолкаю, чувствуя, как хватка становится крепче.

– Хочешь уйти? – внезапно спрашивает Ратмир. – Шлюха отказывается выполнять свои обязанности?

Лучше бы он меня ударил, честное слово. Но эти слова для меня словно раскаленные иглы. Жалят, кусают.

Я захлебываюсь воздухом, стараясь сдержать слезы. Последнее, что стоит – давить на жалость. Я не позволю унижить меня еще сильнее.

Но ответить я все же не успеваю – раздаются выстрелы, и буквально тут же атмосфера в комнате меняется.

Алиев больше не держит меня. Я все еще стою на диване раскрытая и беззащитная, когда замечаю, как он подбирается и быстро проходит к двери. Пока Ратмир выглядывает в коридор, я наконец прихожу в себя и пытаюсь натянуть остатки платья. Ничего, естественно, не выходит.

– На выход, – бросает Ратмир. А я не могу. Просто не могу выйти в коридор в таком виде. Отступаю и, мотнув головой, шепчу:

– Я не пойду.

Алиев поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает раздражение.

– Хочешь сдохнуть здесь? – рявкает он.

– Я не могу пойти голой! – огрызаюсь, кое-как придерживая части платья. Он чертыхается и неожиданно и снимает с себя пиджак, а затем бросает мне. Я в шоке, но успеваю поймать тот. Запах дорогого мужского парфюма тут же окутывает меня. И только тут я замечаю, что у Рамира в руке пистолет. А на спине – кобура.

Мамочки...

– Шевелись, – цедит он.

Я правда стараюсь, но дурацкие каблук мешают.

Пройдя по коридору, мы сворачиваем в другую сторону – не к ВИП комнате, где они сидели с Артуром.

То здесь, то там слышатся выстрелы. Я каждый раз вздрагиваю, но, боясь отстать от Алиева, едва ли не бегу.

У него широкий размашистый шаг. Ратмир еще и по телефону успевает с кем-то поговорить.

Отрывистые скупые фразы дают понять, что случилось что-то из ряда вон.

– Встретимся на парковке, – бросает он напоследок, а затем оборачивается ко мне. – Живее!

Меня злит его грубость, так и подмывает сказать – сам бы на таких каблуках попробовал. Но стоит мне попытаться ускориться, как я подворачиваю ногу. Вскрикиваю и заваливаюсь на небольшой комод, который зачем-то стоит именно в этой части коридора.

Буквально в последний момент меня дергает на себя Алиева, уберегая от удара головой.

Слышу, как он матерится. А я при попытке встать на ногу снова вскрикиваю – ногу обжигает болью. Я невольно дергаюсь в сторону, надеясь найти точку опоры кроме руки Рамира.

– Стой смирно, – рычит он.

Достает телефон и снова кому-то звонит.

– Машину к черном входу. Знаю, черт подери. Потому что я сказал.

Убирает мобильный обратно в карман брюк и... подхватывает меня на руки.

– Не надо! – испуганно пишу. – Отпусти! Я сама!

– Заткнись, – рявкает он, заставляя меня буквально сжаться.

Мы проходим почти весь коридор. Впереди дверь, но Алиев почему-то спускает меня на пол и приказывает:

– Стой и жди.

Сам он уходит вперед. Почти тут же гаснет свет, и вместо привычного освещения вспыхивает аварийное, в красных тонах. Выстрелы становятся ближе, я медленно сползаю на пол. Нога горит. При попытке даже просто поставить ее на пол, начинает нещадно ныть.

На глазах у меня слезы, а внутри все от страха стягивает в узел.

Каждый раз, когда я слышу где-то там шаги или выстрелы, я закусываю пальцами, чтобы не кричать от страха.

– Здесь кто-то был! – слышу совсем рядом мужские голоса. – Разделимся!

На пару секунд я замираю, а потом до меня вдруг доходит простая мысль – Алиев меня бросил. Он ушел решать свои проблемы и банально оставил меня здесь. Разве он пообещал, что вернется? Нет.

Он сказал – стой и жди. И все.

Осознание, что я фактически сама за себя, обжигает и заставляет судорожно соображать, как дальше быть. Осторожно приподнимаюсь. Наступить на больную ногу до слез больно. Но выбора нет. Что-то подсказывает, вряд ли мне понравится встреча с теми, кто здесь бродит с оружием, и кто устроил беспредел в клубе.

Закусив губу, я пытаюсь кое-как доковылять до поворота. Я знаю, что там – дверь. Там выход. Нужно просто добраться.

Я почти справляюсь, когда не очень удачно наступаю на ногу и всхлипываю. А дальше одновременно меня дергают в сторону и тут же тело обжигает болью, которая во сто крат сильнее подвернутой ноги.

9 Надя

– ...сказал же, – с трудом узнаю голос Ратмира.

Мне так больно и страшно, что я как будто под воду ухожу. Плечо пульсирует, нога на фоне этих ощущений почти не чувствуется.

Совсем рядом раздаются выстрелы. Я всхлипываю, когда горячие ладони с моей спины пропадают. Кажется, я снова сижу на полу. С трудом фокусирую взгляд и вижу перед собой высокую фигуру.

Алиев. Понимание приходит запоздало – когда он уже расстреливает тех, кто оказывается поблизости. Неужели это он меня спас?

Ратмир оборачивается – взгляд мрачный, тяжелый. Невольно стараюсь стать меньше и незаметнее. Он сейчас настолько агрессивный, что я ожидаю любого удара.

– Не дергайся, – рыкает, едва я пытаюсь отписаться от его рук. Подхватывает и куда-то несет.

Я буквально купаюсь в его запахе, дышу через раз, чтобы минимизировать это. А когда снова слышатся выстрелы, замуриваюсь и утыкаюсь лбом в широкую мужскую грудь.

Прохладу вечера чувствую сразу как только оказываемся на улице. Не успеваю замерзнуть – почти сразу Алиев сгружает меня в салон внедорожника.

Только тогда я могу оглядеться. Замечаю Резника рядом с Ратмиром, и еще пару охранников неподалеку.

– ...сегодня же, – долетает до меня голос Артура. – Сам понимаешь – такое нельзя спускать.

– Свяжись с братом, – отвечает Алиев. – Предложи условия.

– Уверен? Тихон вряд ли согласится быть мальчиком на побегушках.

– Значит, сделай так, чтобы ему было выгодно сотрудничать, – жестко рубит Ратмир.

Я ничего не понимаю из их разговора. Рядом снова раздаются выстрелы, и разговор заканчивается. Последние слова мне не удается разобрать. А затем Алиев садится рядом со мной, и едва он хлопает дверью, как машина выезжает с парковки.

Я оглушена болью в плече, чувствую, как по руке течет что-то теплое. Понимаю, что кровь, но эта мысль не только не успокаивает, но и наоборот вгоняет в состояние паники.

За всю дорогу Алиев лишь однажды бросает на меня короткий взгляд. Не понимаю, что именно в его глазах. Оценивает, как долго я протяну? Или раздумывает, куда сплавить бесполезную игрушку, которой он не смог воспользоваться.

Замечаю, что обратно мы едем немного иначе – машина постоянно петляет, сворачивает в узкие проулки. Словно мы замечаем следы.

Когда впереди маячат знакомые ворота, я уже почти теряю сознание. Боль разрастается, захватывая все больше. Перед глазами плывут черные пятна. Я даже не сразу понимаю, что машина остановилась. Только когда дверь открывается, и Алиев вытаскивает меня, в голове шелкает, что приехали.

Следующая картинка – знакомая гостиная. Я на диване, а рядом раздаются мужские голоса.

Меня начинает мутить, и я пытаюсь развернуться, чтобы встать и доползти до ванной. Но вместо этого едва не падаю на пол. Свисаю так, что вот-вот сползу, как вдруг Алиев оказывается рядом и укладывает меня обратно.

– Тошнит, – с трудом шепчу.

– Сейчас, все будет хорошо, – раздается незнакомый голос.

Ком в горле становится нестерпимым. Я успеваю выхватить образ мужчины лет шестидесяти – с седыми висками. А затем наступает тьма.

Холодная и пугающая. Я брожу в ней бесконечно. Ищу бабушку, маму, хотя и подозреваю, что не смогу найти.

Я иду в темноте, кажется, что она становится все более непроглядной и страшной. Чужой. Даже ледяной.

Я замерзаю, и кожа покрывается иголочками льда. А затем вдруг становится нестерпимо жарко. Настолько, что я кричу от неожиданности и... резко просыпаюсь.

– Доброе утро, – слышу тот же самый голос.

Моргаю несколько раз, прежде чем полностью фокусируюсь на том же седовласом мужчине. Он сидит рядом на стуле и внимательно смотрит на мое лицо. Затем куда-то ниже. Слежу за ним взглядом и вижу стойку с капельницей, а на моей руке – закрепленную иглу.

– Что... произошло? – спрашиваю, с трудом борясь с сухостью во рту.

– Не переживай, рана сквозная – считай задело по касательной. Но прокапать антибиотики придется.

Прикрываю глаза, собираясь с силами и одновременно пытаюсь прочувствовать свое тело. Кажется, сводящей с ума боли уже нет.

– Можно воды?

Слышатся шаги, а затем чувствую прикосновение к руке. Открываю глаза и вижу, что мужчина держит у моего лица бутылку. Несколько глотков становятся настоящим спасением. Мне уже чуть легче, да и в голове понемногу проясняется.

Образы случившегося всплывают, постепенно заполняя пустоту.

– Где я?

– В гостевом доме, – отвечает седовласый мужчина. Затем отключает капельницу и убирает иголку. – Как себя чувствуешь? Надя, да?

– Да, – сиплю. – Голова болит.

– Это пройдет. Стресс, кровопотеря. Больше отдыхай. Я оставлю назначения и таблетки.

Я пытаюсь подняться, но быстро бросаю эту затею, как только понимаю, что под пледом я голая. Вспоминаю про порванное платье, про пиджак Алиева. Прикрыв глаза, стараюсь не сгореть со стыда.

– На ноге растяжение, постарайся не нагружать ее. Мазь тоже оставлю – через пару дней все пройдет.

Оставив сухие наставления, мужчина уходит, а я так и лежу, глядя в потолок.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем до меня доносится странный шорох. У меня все еще кружится голова, но несмотря на это, я пробую подняться. Закутываюсь плотнее в плед и прислушиваюсь.

Я уже не знаю, чего ждать – за последние трое суток со мной случилось столько, что морально я выпотрошена.

Напряжение растет, и я, собрав остатки сил, встаю с дивана. Правда, поврежденная нога тут же дает о себе знать. Вскрикнув, я заваливаюсь обратно.

И тут на пороге появляется очередной незваный гость.

– Ой, Надя, – растерянно произносит Арсен, глядя на меня. – А ты почему плачешь?

Стараюсь улыбнуться, чтобы не выглядеть совсем жалкой.

– Встала неудачно, – выдавливаю с трудом. – А ты как тут?

Мальчик застенчиво улыбается, а затем показывает пакет в своей руке.

– Вот, блины тебе принес. Баба Рая свежие напекла. Я же обещал.

Вспоминаю, что он и правда говорил про это.

– Ты в прошлый раз не пришел – тебя поймали?

Ребенок хмурится и отводит взгляд.

– Я был неосторожен, – с досадой отвечает он. – Олег меня заметил.

– Тебя наказали? – аккуратно спрашиваю, поправляя плед.

Мальчик только ведет плечом.

– Зато я теперь знаю, что надо учесть в следующий раз. И сегодня меня никто не запалил!

Я не знаю, как быть. С одной стороны, мне до слез приятно, что он не забыл и пришел. Учитывая все обстоятельства, сейчас этот ребенок – единственный, кому не плевать на меня. Даже такая, казалось бы, мелочь, дает силы держаться и не сдаваться. Но с другой, я понимаю, что мальчику банально может попасть за то, что он снова пришел.

– Ты не любишь блины, да? – вдруг огорченно спрашивает он. – Надо было что-то другое утащить. Но баба Рая слишком быстро вернулась.

Я вижу, как он расстроен – искренне, по-настоящему. И решаю не усугублять ситуацию.

– Нет-нет, все хорошо. Только мне надо одеться. Подождешь меня на кухне?

– Конечно! Я пока все приготовлю! – с азартом отвечает Арсен и уносится из гостиной. К счастью, халат я нахожу сразу. Чтобы добраться до него и одеться, приходится приложить немало усилий.

Когда я с трудом, но добираюсь до кухни, ребенок успевает не просто достать свои блины. Он еще и на тарелки все разложил, по-настоящему сервировав стол.

Удивленно смотрю на это, поражаясь увиденному.

– Я подумал, что надо сделать как надо, – смущенно бормочет мальчик. – Мама так делала по утрам, – добавляет чуть тише.

– Все отлично, – заверяю его. – Просто удивилась, что ты нашел как тарелки. Не думала, что они вообще есть.

Арсен тут же распрямляет плечи, как будто получил от меня настоящую награду.

– Да чего там искать. Садись, попробуй.

Невольно задумываюсь о том, какой же была мать ребенка, раз он не просто достал тарелку и выложил на нее блинчики. Он еще и нам поставил по одной, да и сметану подумал захватить.

До этого момента я даже не задумывалась насчет еды – то ли стресс, то ли еще что. Но почувствовав запах блинов, понимаю, что желудок сводит от голода.

– А что у тебя с ногой?

Вопрос Арсена застает меня врасплох.

– Упала неудачно, – натянуто улыбаюсь и ковыляю к столу.

– Сильно болит? – с сочувствием спрашивает он. – Вот, попробуй. Тебе сразу станет легче.

– Думаешь, это так работает? – усмехаюсь и беру первый блинчик.

Мальчик смущенно улыбается и тоже сосредоточивается на еде.

– А тебе не попадет за то, что ты снова пришел ко мне? – осторожно спрашиваю чуть позже, когда первый голод утолен.

– Не волнуйся, – самоуверенно заявляет Арсен. – Дядя Ратмир уехал, я точно знаю.

Услышав, что Алиева нет дома, я расслабляюсь. Не готова сейчас с ним встречаться. И чем дольше его не будет, тем лучше.

До сих пор помню, как он меня держал, вынося из клуба. И хотела бы забыть, но образы как вспышки запечатлелись в памяти.

– Ну, в таком случае тебя точно никто не поймает, – усмехаюсь в ответ.

– Конечно, нет! – гордо кивает Арсен. – Я и в прошлый раз переиграл Алексея, одного из охранников. Он думал, что я уже в доме, но я прошмыгнул у него перед носом!

– Наверное, ты хорошо играешь в прятки.

– А ты? – с любопытством спрашивает он. – Ты любишь играть? Или кататься на велосипеде, например?

– Ой, боюсь, что я в этом не сильна, – посмеиваюсь, вспоминая, как в прошлом пыталась научиться этой вроде бы нехитрой науке. – В последний раз это закончилось как-то не очень.

– Расскажи, – просит мальчик.

– Ну, я жила еще в деревне, когда мне отдали один старый велосипед, вроде как на время. А у соседей поселился новый кот. Жутко наглый и деловой. И вот еду я по тропинке, а впереди – он. Сидит и лапы свои вылизывает. Я несколько раз нажала на звонок, чтобы его спугнуть.

– А он что? – спрашивает Арсен, глядя на меня во все глаза. – Убежал?

– Нет, – качаю головой. – Так и сидел. В итоге я перепугалась, что наеду на него, и перепутала педали. В итоге не затормозила, а угодила в траву.

– Вот он дурак! – искренне возмущается ребенок.

Я посмеиваюсь, вспоминая тот случай.

– Зато вышла соседка и, увидев меня, стала спрашивать, что случилось. А когда поняла, в чем дело, стала ругать своего кота. И устроила ему такой разнос, что он потом каждый раз, когда меня видел, начинал шипеть и пятиться назад.

Арсен так задорно и заразительно смеется, что я не могу остаться равнодушной. А затем он как-то резко замолкает, глядя на дверь. Поворачиваюсь и вижу... Алиева.

Который вроде как уехал.

10 Ратмир

– Что нашли? – спрашиваю у Артура, который приехал буквально через пару часов после меня.

Пока Платонов латает девчонку, я разгребаю дерьмо, которое так внезапно свалилось.

– Зацепок нет, – хмуро отвечает он.

– Херня, – обрубая. – Сам знаешь, так не бывает.

– И все же, Мир. Работали профессионалы.

– Будь это так, потерь было бы больше, – возражаю ему.

Резник достает пачку сигарет и, выбив одну, закуривает. Значит, нервничает, на грани друг.

– Так-то оно так. Но и... Черт, слишком умело сняли охрану, понимаешь?

– Понимаю, – киваю, снова гоняя одни и те же вопросы по кругу. – Аскеровы?

– Черт знает, – задумчиво тянет Резник. – У них конфликт с Асланом. Территория не рядом с нашей. Хотя, конечно, твой интерес в порту для них не новость.

Артур молча протягивает мне пачку, беру сигарету и, достав зажигалку, тоже прикуриваю.

Столько раз хотел бросить?

– Надо найти ублюдков, – выдыхаю, глядя в небо. – И наказать. Публично.

Артур хмыкает.

– Хочешь устроить показательную казнь?

– Ты в курсе, как все работает, – пожимаю плечами. – Или ты, или тебя. Может, где-то это и работает иначе, но не здесь.

Резник кивает согласно. Невольно вспоминаю, как мы с ним познакомились – подрались до кровавых соплей. А затем... Потом так сложилось, что мы оказались вдвоем против толпы отморожков.

Такая вот рокировка. Теперь же Артур – мой друг и правая рука. Несмотря на то, что многим он как кость в горле, потому что чужак.

– Насчет Тихона ты не передумал? – спрашивает он. – Уверен, что хочешь его впутывать?

– Ты же говорил, что твой брат обладает нужными ресурсами. Время легализовать часть бизнеса, сам знаешь, что сейчас творится.

– Хорошо, я встречу с ним. По телефону такие вопросы лучше не обсуждать. Да и у него...

– Что?

– Скажем так, интересные дела происходят.

Кошусь на Резника, но тот лишь отмахивается.

– Знаю лишь в общих чертах. Поэтому поеду лично, посмотрю. Мы с ним редко общаемся, и кто знает, может, ему и не новых проектов.

Киваю одобрительно. То, что я слышал про Седова – сводного брата Артура – звучало перспективно. Но лучше перестраховаться.

– Сколько времени тебе надо?

– Пару дней. Может, три, максимум. Полечу, как здесь разгребемся.

Замечаю, как из гостевого домика выходит Платонов. Военный врач, с которым я сотрудничаю уже не один год. Толковый мужик с хорошими навыками.

– Все сделал, – отчитывается Алексей Игоревич. – Девушка спит. Антибиотики, обезболивающие – все получила. Завтра нужно будет сделать перевязку. Заеду, осмотрю.

Он уходит. Резник провожает его задумчивым взглядом, а затем косится на гостевой дом.

– И как долго ты собираешься держать девку?

Пожимаю плечами, делая очередную затяжку. Горький дым забивает легкие.

– Ты ведь понимаешь, что Борисов что-то мутит?

– Конечно. Поэтому она еще здесь.

– Надеешься, что проколется?

– Увидим, – бросаю и тушу недокуренную сигарету. – Поехали-ка поговорим кое с кем, пока ты не уехал. Есть у меня одна мысль, кто может знать про нападение на клуб.

Артур подозрительно молчит, хотя я вижу – хочет еще что-то высказать про девчонку, которую мне подогнал Григорий.

Домой возвращаюсь только следующим утром – ночь проходит суетливо, и я тупо валюсь с ног. Хочется пойти и отоспаться, но мне звонит Амир. Брат Тимура, мужа моей покойной младшей сестры.

– Хочу забрать пацана, – начинает сразу Закаев. – У тебя проблемы – весь город на ушах. Нечего парню отсвечивать на твоих разборках.

Раздраженно цыкаю. Понимаю, откуда ветер дует, но сейчас это и правда вариант, который имеет смысл рассмотреть. Пока не найду ублюдков, устроивших беспредел в Грации, племянника лучше и правда отослать.

– Хорошо. Сегодня привезу. Побудет у тебя до конца года.

Вместо того, чтобы завалить поспать хотя бы пару часов, иду в душ, а потом – за Арсеном.

Его отцу повезло, что он сдох во время перестрелки, иначе бы я придушил тварь лично.

За то, что сделал мою сестру несчастной. Что прохлопал момент, и его подстилка оказалась продажной тварью, слившей его же самого.

Я так ненавидел Тимура в тот момент, что если бы он остался жив, устроил бы ему кровавое шоу.

Арсен остался сиротой, и с тех пор изменился до неузнаваемости. Если бы я только знал, что брак Алии превратится в это...

Бессильная злость даже сейчас клокочет в груди. Прикрываю глаза и вспоминаю, как сестренка цеплялась за мою руку в больнице, как умоляла не бросать Арсена.

Глупая. Разве я мог бы? Пусть у меня и не выходит заменить ему родителей, но я, черт подери, стараюсь.

Переодевшись, иду в комнату племянника, прикидывая, сколько времени понадобится, чтобы разобраться с нападшими. Скоро Новый год, и оставлять пацана в доме Амира не хотелось бы.

Вот только в комнате Арсена никого, а охрана понятия не имеет, где он. Хотя я оставил указание следить за ним лучше после того, как он забрался в гостевой дом.

Проверяю камеры по всему периметру и наконец нахожу мелкого. Раздражение набирает обороты. Медом ему там, что ли, намазано? Если эта продажная тварь снова пытается запудрить мозг ребенку, ей пиздец.

К дому подхожу злой как черт. Захожу внутрь и торможу, оглядываясь. Голос девчонки раздаётся в дальней части дома. Медленно иду по коридору, прислушиваясь к разговору.

На пороге кухни замираю как вкопанный. Впервые с момента смерти Алии я слышу, как Арсен смеется. Вот так беззаботно, как умеют только дети.

А потом он меня замечает, и улыбка пропадает с его лица.

11 Надя

Алиев выглядит так, что у меня начинает под ложечкой сосать – настолько тяжелый у него взгляд.

– Арсен, – веско роняет он. Тот втягивает голову в плечи, опускает взгляд и медленно встает из-за стола.

В воздухе так и витает напряжение. Вся легкость, что была еще недавно, мгновенно испаряется.

– О чем мы с тобой говорили? – бесстрастно спрашивает Алиев, давля взглядом своего племянника.

Я, не выдержав, встаю со стула, собираюсь все объяснить. Но меня опережает сам ребенок.

– Я просто хотел быть гостеприимным, – серьезно произносит он. – Мама учила этому.

На последних словах у него едва заметно дрожит голос. И похоже это вижу не только я. Выражение лица Ратмира неуловимо меняется. Словно он показывает свою человечность. Моргаю удивленно, и это тут же пропадает.

– Считаю, свой долг ты выполнил, – сухо отвечает мужчина. – На выход.

Успеваю заметить, с какой обидой Арсен смотрит на своего дядю, затем на меня, но уже виновато.

– Я сам так захотел, – добавляет он. Не ругай Надю – у нее нога болит.

После этого мальчик направляется к дверям и покидает кухню. Ратмир же смотрит на меня так, словно вот-вот снова возьмет ремень и просто придушит.

– Я предупреждал тебя, – тихо произносит он.

– И что мне надо было сделать? – огрызаюсь, разозлившись на этого бесчувственного чурбана. – Выгнать ребенка, которому даже поговорить не с кем?

Вижу, как Алиев сжимает ладонь в кулак, и сглатываю, жалея о своей несдержанности.

– Попытайся сыграть на его уязвимости, вернешься к Борисову. Он найдет, куда тебя пристроить, – холодно бросает Ратмир и уходит.

Когда хлопает входная дверь, я оседаю на стул и едва не плачу. Вот за что мне это, а? Где я так накосячила, что в моей жизни сплошная черная полоса?

До конца дня Алиев больше не возвращается. Ко мне заглядывает Олег – приносит еду, чуть позже приходит и врач – Алексей Игоревич. Осматривает рану, делает перевязку. Снова ставит капельницу. В целом мое состояние становится лучше за одним исключением – я схожу с ума от беспокойства за бабушку.

Мы с ней созванивались почти каждый день. И вот уже сколько времени я с ней не связывалась, а у нее сердце слабое.

Конечно, на носу сессия, и она может несколько дней списывать все на мою занятость. Но что потом?

Алексей Игоревич, когда я прошу у него мобильный телефон, смотрит на меня чересчур подозрительно и в итоге советует побольше отдыхать. А сам поспешно уходит.

Полагаю, что о моей просьбе станет известно Алиеву, и кто знает, чем это обернется.

Когда он пригрозил, что вернет меня Борисову, я поверила. Про то, как придется отработывать пять миллионов, если Ратмир от меня избавиться, я тоже отлично помню.

Получается, у меня выбор без выбора.

Следующий день я снова провожу в одиночестве, если не считать визита охранника с едой и врача для перевязки.

В целом самочувствие уже становится гораздо лучше. Образы того вечера в памяти еще остаются, но по крайней мере я не просыпаюсь в холодном поту от кошмаров.

Мне бы хотелось узнать, как дела у Арсена – вдруг его жестоко наказали, поэтому он ко мне не приходит. Но естественно Олег на мой вопрос не отвечает.

Я бы не хотела чтобы мальчик подвергал себя риску, но я скоро начну сходить с ума в четырех стенах без возможности даже тупо выйти на улицу. Одежды-то у меня никакой теперь нет. Не в халате же идти, когда на носу зима.

Третий день проход ровно так же, как и предыдущие два. Я начинаю впадать в апатию, устав от тягостных мыслей.

Но когда я готовлюсь ко сну, слышу, как щелкает замок на входной двери. Бросив взгляд на часы, я моментально напрягаюсь – Олег не приходит так поздно. Да и ужин сегодня уже был.

Вариантов, кто ко мне может прийти, только два. Но Арсен не делает этого через входную дверь. А значит...

На пороге спальни я вижу Ратмира раньше, чем успеваю додумать мысль.

Не сказав ни слова, он медленно проходит в комнату и снимает кожаную куртку, небрежно бросает ту на стоящее в углу кресло. А затем я слышу хлесткое:

– Раздевайся.

12 Ратмир

– Хочешь ругать, ругай меня, – неожиданно заявляет племянник, едва мы выходим из гостевого дома.

Демонстративно встает так, что между нами остается пара метров, словно он противопоставляет себя мне. По сути единственному, кому не плевать на него.

Балдею с его заявки. Вообще Арсен довольно спокойный и уравновешенный пацан. Алия очень любила сына. Больше детей у них не выходило, и она сильно винила себя в этом. У нас принято большие семьи, много детей. Наши женщины воспитаны так, что их удел – домашний очаг, быт, дети. И хотя я никогда не желал сестре превратиться в домработницу, ей было это в радость.

Пока ее муж не начал откровенно гулять, даже не скрывая, что трахается на стороне. Я много раз предлагал Алие вернуться, готов был даже воевать с Закаевыми. Но она лишь кротко улыбалась и просила меня быть мудрее. Она берегла сына, посвятила себя ему. А в итоге...

Когда она и Тимур погибли в перестрелке, которую подстроил один из конкурентов благодаря продажной шлюхе, Арсен словно с цепи сорвался. Орал, никого не подпускал и звал мать.

Он стал диким волчонком, который ненавидел всех. Даже отца, который когда-то был для него образцом для подражания.

Чуть позже стало легче – племяш отошел, стал поспокойнее. Но до сих пор стоит ему упомянуть мать, как в его взгляде мелькает боль. И я его понимаю. Мне тоже не хватает сестры. Единственный светлый женский образ в моей памяти. Мать – и та бросила нас ради другого мужчины. Не выдержала правил нашей семьи. А отец...

Он быстро утешился. И я его не осуждал. Пока его любовница не оказалась крысой, которая сливала данные сделок по оружию.

Она заплатила жизнью, но и отец тоже – один из врагов успел воспользоваться информацией этой твари, а в результате я остался без отца.

И сейчас я вижу, как Арсен встает на защиту ровно такой же продажной шкуры. От Борисова другого ждать и не приходится. Он всегда был скользким, но имел полезные знакомства. В последнее время Гриша стал слишком требовательным и наглым. А когда пришлось поставить его на место, затаился.

Артур много раз предлагал решить вопрос кардинально, но я подозреваю, что за ним стоит кто-то еще. И если убрать Босиева, этот кто-то просто найдет новую марионетку.

Я поселил девку отдельно, чтобы посмотреть, как та будешь себя вести, полагая, что так Арсен с ней не встретится. Но не учел, что племянник стал слишком неугомонным. Потеря родителей сказалась на нем не лучшим образом, и он бредит о мести который месяц. Потому и оружие постоянно тащит – то пистолет, то ножи. Твердит, что скоро будет взрослым. А мне хочется, чтобы он снова стал собой. Тем мальчишкой, которого так любила Алия.

– Собираешься ставить мне условия или торговаться? – уточняю, глядя на племянника. Тот смотрит исподлобья. Снова уперся. Раньше он таким не был.

– Ты сам говорил, что мужчина должен нести ответственность. Это я пришел к Наде и захотел ее порадовать.

– Она тебе нравится?

– Она хорошая, – не сразу отвечает Арсен. – С ней прикольно.

Приплыли, мать твою. Племянник подружился с продажной подстилкой. И что мне с этим, черт подери, делать?! У меня нет детей, и я не планировал. В отличие от сестры я не мечтал о семье. Хватило того, что видел в детстве. Но теперь у меня Арсен, которого надо

не только обеспечить, но и воспитать. Он должен видеть пример, на который равняться. А я слишком мало знаю о детях. И мне чертовски не хватает мудрости сестры.

– У нас был уговор, – напоминаю ему. – Ты ослушался.

Мальчишка бледнеет, поджимает губы. Конечно, он не хочет в пансион, но выбор в данный момент небольшой.

– Поживешь у Амира пока.

– Что? – в глазах племянника мелькает досада и испуг. – Пожалуйста, не надо.

– Он тебя обижает? – резко спрашиваю, зверея от мысли, что Закаев мог что-то сделать сыну своего брата. В голове мгновенно выстраиваются варианты, пока жду, что ответит ребенок.

А тот...

– Нет, но... – Арсен мнется, а затем все же говорит: – мне нравится жить с тобой.

У меня нет времени ковыряться в его недомолвках. В любом случае сейчас другого варианта нет.

– Либо к нему, либо в пансион. Выбирай.

Племянник опускает голову, даже плечи у него поникают.

– Я поеду к дяде Амиру.

– Тогда бегом вещи собирать.

– Надолго?

– Пара недель минимум. А может, и до конца года.

Когда Арсен, наконец, поднимает взгляд, мне кажется, будто под дых ударили – столько обиды в его глазах. А они у него – как у матери. Один в один. Кажется, будто это Алия на меня смотрит. Сестра, которую я не уберег.

Пацан отворачивается и топает к дому. Гадкое ощущение, что я накосячил, так и долбит где-то за грудиной. Но я игнорирую, запрещая себе даже думать об этом. На крыльцо как раз выходит Аслан. Арсен проносится мимо него, даже не ответив на приветствие.

– Снова злитесь? – спрашивает брат, подходя ко мне.

– Успокойся, – сдержанно отвечаю. – Возраст такой.

Аслан кивает. Ахмедов – мой двоюродный брат. Старше меня всего на пару лет, но порой ощущение – на целую жизнь. Слишком замкнутый и жесткий. Даже жестокий. Иногда кажется, что даже я не готов зайти так далеко как он.

– Отсылаешь?

– К Амиру. Побудет пока у Закаевых.

– Правильно, – комментирует брат. – Нечего рисковать. Грацию разнесли основательно.

Мрачно киваю, понимая, что дело не только в ударе по моему авторитету в городе. Вопрос еще и в том, что это убытки, и довольно значительные. Грация – один из самых популярных и элитных клубов, в котором можно расслабиться и пойти попытать удачу. Теперь на пару месяцев огромный это финансовый минус, который надо чем-то покрывать.

– Есть идеи с кого начать? – скучающим тоном интересуется Аслан.

Он живет в другой части нашего края. Мы не пересекались в наших интересах, но несколько раз плотно сотрудничали. Я знаю, что он мог бы тоже закутиться – ведь его жизнь тоже подвергли опасности. Но сейчас у него своя война.

– Артур разбирается, – уклончиво отвечаю.

Ахмедов недовольно цыкает.

– Не надоело тебе? Ратмир, он не из наших. Чужак. Как ты можешь доверять ему?

Ухмыляюсь логике брата. В этом смысле у него есть пунктик. Его родители и предки никогда не смешивали кровь. Мой же отец выбрал себе русскую девушку, повелся на ее красоту, а в итоге остался один с детьми.

Может, потому что во мне намешано разного, я куда терпимее ко всем этим смешанным бракам. А может, я просто ненавижу рамки, в которые загоняют традиции моего народа.

Я сам решаю, что, когда и как делать.

– Он – мой помощник и мой человек. Этого мало?

Аслан морщится.

– Ему не понять многих вещей. Он ведь даже методы часто использует... – брат презрительно кривится. – Резника вечно несет. Еще немного, и он решит, что может занять твое место.

Я мало кому доверяю в этой жизни. Да никому, в общем-то. Но Артур – один из немногих, кто для меня входит в ближний круг.

– Так не работай с ним, – пожимаю плечами. – А мне не надо читать морали. Ты лучше свои проблемы решай. Не дожмешь Аскеровых, придешь просить помощи.

В глазах Аслана вспыхивает раздражение. Не любит он, когда тыкают носом в промахи. Впрочем, как и я.

Разговор приходится свернуть, когда на улицу выходит Арсен. Снова без шапки, на лице – угрюмое выражение. Всем своим видом пацан демонстрирует, насколько против моей затеи.

Прощаюсь с братом, и мы идем к гаражу.

– Не ругай Надю, – снова начинает свою песню племянник, когда подъезжаем к дому Амира.

Смотрю на него, пока водитель паркует машину. Внутри ворочается странное ощущение, что может, зря я привез его сюда. Сложно разобрать. Но сейчас слишком много навалилось, и я списываю это чувство тупо на усталость.

– Пообещай! – буквально требует пацан.

– Я сам решу, что и как будет в моем доме, – жестко пресекаю его попытку манипуляции.

– Ты спрашивал, что я хочу на праздник, – неожиданно говорит мальчишка. – Так вот, не ругай Надю. Она мне правда нравится. Пожалуйста.

Не добавив ни слова, племянник выбирается из машины. Торопливо отходит, я едва успеваю выйти за ним.

Амир встречает его лично. На его лице самодовольная улыбка. Брат Тимура никогда мне не нравился, но отец уверял, что семья Закаевых – уважаемая и достойная, что Алия будет под защитой. Теперь же мне кажется, что стоило присмотреться к ним получше до их помолвки.

– Через пару недель заберу, – ставлю Амира перед фактом.

Тот кивает, но тут же добавляет:

– Не торопись. Мы семья все-таки. Не вижу я племянника – мы родная кровь.

Он вроде улыбается, но глаза-то холодные. Мне есть что еще ему сказать, но отвлекает телефонный звонок.

Резник.

Прощаюсь с Закаевым и погружаюсь в решение насущных проблем.

Выслушиваю короткую сводку от Артура по вариантам с Грацией. Прямо по дороге приходится поменять план и ехать уже в другой клуб, где тоже неспокойно в последнее время.

В итоге следующие три дня я провожу в постоянных разъездах. Информации по нападавшим на клуб ни черта нет. Будто кто-то ловко прячет все зацепки. Каждый раз, когда кажется, что вот нашли ниточку, ее обрубают. Количество трупов зашкаливает даже для не самого благополучного района. А у нас с этим вроде стало поспокойнее.

Резник занят, так что приходится держать все в своих руках. Сейчас я никому не доверяю и готов подозревать всех и каждого.

Когда, наконец, разгребаю основные дела и возвращаюсь домой, раздражение кипит так сильно, что хочется либо пойти на хориошй спарринг, либо потрахаться от души.

Выбрав второе, сворачиваю к гостевому домику.

За эти дни Платонов коротко отчитывался о состоянии его пациентки. Так что я в курсе, что девка очухалась, и все на ней нормально заживает.

Дура глупая. Сказал ведь тогда – не высовываться и сидеть ждать. Какого черта полезла под пули? Едва успел дернуть в сторону, чтобы не сняли идиотку. Все равно зацепило, но это ерунда по сравнению с тем, что могло быть.

Зайдя в дом, прислушиваюсь – гулкая тишина. На интуиции иду в спальню. Нет уверенности, но когда вижу, что не ошибся, голод разгорается с новой силой.

Что ни говори, а фигура у нее хорошая. Член оживает, и я стягиваю крутку.

– Раздевайся, – бросаю девке, которая застыла с таким видом, будто раздумывает, какую роль врубить. То ли снова недотроги, то ли наоборот.

И это лишь сильнее начинает злить. Какого, спрашивается, хрена?!

13 Надя

Несколько долгих мгновений я так и стою, просто глядя на Ратмира, пытаюсь понять – есть ли у меня шанс.

Однако взгляд мужчины наполнен холодом и одновременно желанием. Я не опытна в отношениях с противоположным полом, но все равно чувствую его настрой слишком остро.

Неосознанно вцепляюсь в ворот халата, надеясь защититься. Алиев едва заметно прищуривается. Он тянется к вороту рубашки и начинает ее расстегивать.

Каждое его движение дает понять – все будет так, как он решил.

У меня нет права голоса. Нет возможности сбежать или вырваться.

Невольно отступаю назад и упираюсь ногами в кровать. Ратмир продолжает раздеваться, не отводя взгляда. Кажется, он делает это специально. Едва только Алиев остается в одних брюках, как меня бросает в жар.

Надежда, что все еще можно отыграть назад, тает с каждой секундой. Пусть в клубе я уже готова была смириться с тем, что мужчина все же присвоит мое тело, но все сорвалось. И часть меня наивно полагала, что мне будет везти так и дальше.

Вот только... Вряд ли моя удача до сих пор со мной.

– Мне повторить?

Холодный равнодушный голос резко контрастирует с тем, как смотрит Ратмир. Мне страшно, что в таком состоянии он может быть более жестоким.

Кажется, что он на взводе, а значит, вряд ли станет церемониться.

В глазах начинает печь – разве о таком я мечтала? Этого хотела?

Слышу звук щелчка пряжки и признаю поражение. Опустив взгляд, стягиваю с себя халат. Тот оседает у моих ног бесформенной кучей.

Несмотря на то, что меня исправно кормили и проверяли состояние моей раны, почему-то никто не озаботился тем, что у меня нет одежды. Вообще никакой.

На мне остаются только трусики, и я тут же слышу еще один приказ:

– Полностью.

Осторожно поднимаю взгляд на Алиева – тот не успел раздеться до конца, но я читаю в его глазах свой приговор. Либо я сделаю сама, либо он справится без меня. И тогда я останусь вообще без белья.

Спешно стягиваю последнее, что на мне есть. Чувствую себя по-идиотски. Мне казалось, что близость между мужчиной и женщиной должна происходить совершенно иначе. По любви. С тем, кому ты доверяешь свое сердце и душу. С единственным любимым.

А в результате я стою посреди комнаты – обнаженная и беспомощная – в ожидании приговора от мужчины, который может щелчком пальцев сломать мне жизнь. Да и не только мне.

– Как плечо? – неожиданно спрашивает Ратмир, подходя ближе.

Я буквально задыхаюсь от животного страха, который когтистой лапой сдавливает горло. Словно Алиев вновь достал свой ремень и обернул вокруг нее.

– Заживает, – тихо отвечаю, так и не посмотрев на него.

Я не понимаю, к чему этот вопрос, пока мужчина вдруг не прикасается к мой повязке. Я вскрикиваю не от боли, а от неожиданности. Дергаюсь в сторону и в итоге заваливаюсь на постель.

– Выше, – приказывает Ратмир, а я понимаю что он ведь мог поставить меня в ту самую позу как в клубе. И вот тогда моей руке пришлось бы несладко. Я хоть и не чувствую боли практически – антибиотики и обезболивающее делают свое дело, но вряд ли все прошло бы легко.

Отползаю ближе к изголовью, пока Алиев раздевается полностью. Я стараюсь не смотреть ниже его глаз. Меня потряхивает от понимания, что в этот раз мне не спастись и не избежать секса.

Чувствую, как горячий взгляд мужчины скользит по моему телу. Сжимаю бедра, пытаюсь спрятаться, и скрещиваю руки на груди.

Ратмир возбужден. Мой взгляд все же сползает ниже, и я испуганно сжимаюсь, не понимая, как переживу новый опыт, учитывая размеры его лчена.

– Расслабься, – выдает еще один приказ Алиев и встает коленом на кровать. Я зажмуриваюсь и вздрагиваю, как только чувствую пальцы на своей щиколотке.

– Роль недотроги можешь не отыгрывать.

– Но я еще ни с кем, – срывается хриплый шепот с моих губ. Открываю глаза и сталкиваюсь с абсолютно черным пугающе холодным взглядом мужчины.

– Плевать. Ты ведь ради этого и пришла на аукцион.

– Нет, я не хотела, – говорю быстрее, чем успеваю подумать.

На улице Ратмира появляется кривая ухмылка. Словно он не верит. Окидывает меня взглядом, и в его глазах мелькает что-то пугающее.

Не успеваю подумать, как оказываюсь распластанной под мужчиной. Он ловко задирает мои руки вверх и удерживает их там, не позволяя спрятаться. Его бедра – рядом с моими. И пусть пока Алиев не вынудил меня раздвинуть ноги, я понимаю – это следующий шаг.

– Раз так, я дам тебе выбор. Один раз, – медленно произносит Ратмир, опуская взгляд на мои губы. А затем его свободная рука накрывает низ моего живота.

14 Надя

– Выбор? – шепчу рас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.